

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

НАСЛЕДСТВО ПИШЕТ В СЕМЕЙНЫЙ ЧАТ

ПРОТОКОЛЫ БЫТОВОГО КОЛДОВСТВА 18+

КНИГА 1

ИРОНИЧЕСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Протоколы бытового колдовства

Виктор Алеветдинов

**Наследство пишет в семейный
чат. Книга 1. Протоколы
бытового колдовства**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Наследство пишет в семейный чат. Книга 1. Протоколы бытового колдовства / В. Алеветдинов — «Автор», 2026 — (Протоколы бытового колдовства)

Через три дня после похорон Веры Павловны семейный чат оживает. Умершая обещает отдать квартиру и тайный вклад тому, кто выполнит десять заданий. Первое кажется безобидным: сложить все ключи на стол. Но телефон без сим-карты включается сам, домофон показывает покойную «дома», а фотографии начинают забывать тех, кого семья считает лишними. Расследование принимает Отдел последствий чудес. Анна Зорина ищет взломщика, Лев слышит скрытое условие семейных обещаний. Чем ближе они к разгадке, тем яснее: кто-то использует наследство, чтобы заставить родных голосовать друг против друга. И каждый ответ в чате меняет уже не документы — он стирает человека. Чтобы остановить конкурс, семье придётся отказаться от главного приза: права решать, кто из них достоин называться своим.

Содержание

Глава 1. Сообщение после похорон	5
Глава 2. Умершая отвечает	9
Глава 3. Регистрация невозможного факта	13
Глава 4. Ключи на стол	17
Глава 5. Первый голос	21
Глава 6. Телефон без хозяйки	25
Глава 7. Семейная версия	29
Глава 8. Доступ по расписанию	33
Глава 9. Место за столом	37
Глава 10. Кто был последним	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Наследство пишет в семейный чат. Книга 1. Протоколы бытового колдовства

Глава 1. Сообщение после похорон

В восемь десять утра Елена Андреевна сидела на кухне матери и заполняла опись вещей. Она начала с мебели, потом перешла к технике. Денис уже открыл шкаф над мойкой и перекладывал чашки. Артём стоял у окна с кружкой кофе.

Третий день после похорон Елена отвела на разбор квартиры. Нотариус примет их только завтра, но ждать ещё сутки она не хотела. За это время Денис успел бы вывезти часть вещей на хранение, а Артём — заявить, что ему ничего не нужно, и всё равно унести старый проигрыватель. Елена собиралась сфотографировать комнаты, записать ключи и закрыть квартиру до официального оформления.

— Ничего не выносим, — сказала она. — Сегодня только опись.

Денис закрыл шкаф.

— Я и не выношу. Проверяю, что осталось.

Он сидел на месте Веры Павловны с папкой копий. После похорон Денис говорил, что не может смотреть на пустой стул, но утром занял его первым.

Артём допил кофе и поставил кружку в раковину.

— Можно начать с ключей. Тогда станет ясно, кто проверял квартиру до нас.

Денис сразу возразил. Основной комплект, по его мнению, должен был остаться у него как у старшего внука. Елена напомнила, что старшинство не даёт права распоряжаться квартирой. Разговор быстро пошёл по кругу.

Михаила она не пригласила. Ночью это решение казалось разумным. Вера Павловна ещё при жизни сказала, что назвала в завещании Елену, Дениса и Артёма; Михаила среди них не было. Денис при его имени переставал слышать остальных. После кладбища Михаил отказался ехать на поминки и сказал, что больше не будет доказывать семье право сидеть за общим столом. Елена тогда решила, что он снова выбрал неподходящий момент для старой обиды.

На столе одновременно завибрировали три телефона.

Семейный чат назывался «Орловы. Главное». Его создала Вера Павловна и сама выбрала название. Любая тема могла закончиться решением Веры Павловны, после которого спорить считалось бессмысленным.

Новое сообщение пришло с её аккаунта.

«Раз уж вы начали без меня, придётся закончить правильно. После десяти заданий я назову того, кому оставить квартиру и вклад. Условия выполнять всем. И уберите мокрое полотенце с батареи. Вчера оно уже испортило стену».

Елена перечитала текст. Накануне похорон они разбирали продукты. Денис вытер воду возле мойки и бросил полотенце на батарею. К вечеру на обоях появилось тёмное пятно. Елена сняла полотенце и решила заняться стеной позже.

Вера Павловна в это время находилась в морге.

Артём первым заговорил о запланированной рассылке. Он открыл сведения о сообщении и проверил время отправки. Аккаунт мог быть подключён к сервису отложенных публикаций. Денис спросил, не Артём ли его подключал. Тот не отрицал, что раньше настраивал матери облачное хранилище, но уверял, что доступ давно закрыт.

— Про полотенце знали мы трое, — сказала Елена.

— Михаил мог зайти вечером, — ответил Денис. — Ключ у него есть.

— Он не приходил.

— Ты была здесь всю ночь?

Елена не ответила. Она уехала около девяти, а Денис ещё раньше. Михаил действительно мог зайти позже, хотя смысла в этом она не видела.

Артём попросил ничего не удалять и не менять пароль. Денис предложил закрыть чат, пока от имени бабушки не начали просить деньги. Елена запретила трогать настройки. В сообщении мог быть обычный обман, но сначала нужно сохранить всё как есть.

Слова о вкладе не давали ей покоя. Мать никогда не говорила о крупной сумме. У неё был обычный счёт, пенсия и квартира. Скрытый вклад мог оказаться выдумкой, рассчитанной на семейную жадность. Елена понимала это и всё же ловила себя на мысли, что Вера Павловна могла в последний раз проверить их и потом назвать достойного.

Через минуту пришло второе сообщение.

«Задание первое. До полудня сложите все ключи от квартиры на один стол. Все — значит все».

Денис машинально коснулся кармана. Артём посмотрел на него, но промолчал.

Елена поднялась из-за стола.

— Соберём ключи. Это всё равно нужно для описи.

Она произнесла это спокойно, будто решение появилось до сообщения. Никто не возразил. Семья уже приняла первое условие, хотя каждый считал, что просто проверяет остальных.

В гостиной стоял овальный стол, за которым они собирались по праздникам. Елена положила связку из трёх ключей. Денис принёс два отдельных ключа, Артём — один с зелёным колпачком.

Елена записала количество на обороте описи.

— У Михаила ещё комплект, — напомнил Денис.

— Мама сама ему дала.

— Это было давно.

— Пока она не забрала ключ, он оставался у него законно.

Денис хотел продолжить, но Артём спросил, где находится комплект Веры Павловны. После больницы личные вещи матери сложили в спальне. Елена пошла туда и нашла в тумбочке старый телефон, завернутый в носовой платок. Рядом лежал конверт с сим-картой. Денис вынул её после смерти, чтобы номером не воспользовались мошенники.

Телефон не включался. Артём подсоединил зарядку и несколько секунд нажимал кнопку.

— Батарея пустая.

— Через него можно отправить сообщение без сим-карты? — спросила Елена.

— Через сеть можно. Но он сейчас ни к чему не подключён.

Артём напомнил, что раньше настраивал облачную копию. Михаил знал пароль, потому что до него занимался телефоном Веры Павловны. Наталья Геннадьевна Крылова оформляла цифровое наследство и получила резервный доступ к части данных.

Три человека подходили под обычную версию, и у каждого была своя причина не говорить всё сразу.

Елена включила камеру на своём телефоне. Она сняла старый аппарат, конверт с сим-картой и ключи. Затем написала Крыловой: «С маминго аккаунта идут сообщения. Обещает назвать наследника после десяти заданий».

Ответа ещё не было, когда экран старого телефона загорелся.

Хотя заряд оставался нулевым и значка сети не было, поверх заставки открылось уведомление:

«До окончания первого задания осталось 3 часа 21 минута».

Начался обратный отсчёт.

Артём выдернул зарядку. Телефон продолжил работать.

Денис потребовал проверить корпус и заявил, что аппарат могли заменить. Артём ответил резче, чем раньше: он не собирался покупать точную копию старого телефона ради квартиры, на которую всё равно не рассчитывал. Елена остановила спор и продолжила съёмку.

Она ещё могла объяснить происходящее подготовленным устройством. Телефон можно было заранее настроить. Сообщения мог отправлять удалённый оператор. Деталь про полотно мог увидеть человек, заходивший в квартиру.

В чате появилась голосовая запись длиной двенадцать секунд.

Елена нажала на воспроизведение.

Сначала послышалось знакомое покашливание. Затем голос Веры Павловны произнёс:

— Елена, отодвинь ключи от края. Денис заденет их локтем. И перестань делать вид, что тебе всё равно, кому достанется квартира. Ты уже выбрала себя.

Денис убрал локоть. Один ключ успел сдвинуться и звякнул о стол.

Елена остановила запись. Голос звучал как материнский. Совпадали паузы, привычное недовольство и манера говорить с дочерью так, словно та уже совершила ошибку, но ещё не призналась.

Под голосовым появилась точная расшифровка.

— Это можно смонтировать, — сказал Артём.

Теперь он говорил тише и больше не трогал телефон.

Монтаж был возможен, но фразу про её желание получить квартиру сегодня никто не произносил.

Она вышла на лестничную площадку и оставила дверь приоткрытой. На телефоне было девять ноль пять.

Сначала Елена позвонила в полицию. Дежурный уточнил, переводили ли родственники деньги. Она ответила, что их пока заставили только сложить ключи. Ей посоветовали ничего не оплачивать и обратиться в поддержку сервиса.

Нотариус напомнил, что дело откроют завтра. Голосовую запись он попросил сохранить, но выполнять указания отправителя не советовал.

— Отправитель известен, — сказала Елена. — Моя мать умерла три дня назад.

После паузы нотариус повторил, что скриншоты нужно прислать ему по электронной почте.

На телефон пришёл ответ Крыловой:

«Ничего не подписывайте. Первое условие безопасно, его можно выполнить. Я скоро приеду».

Елена не отправляла ей текст задания и не упоминала ключи.

Она сразу позвонила.

Наталья Геннадьевна объяснила, что Вера Павловна раньше обсуждала с ней порядок доступа в квартиру. Возможно, сообщение было частью заранее составленной инструкции. Она попросила не привлекать посторонних и дожидаться её приезда.

— Откуда вы знаете про первое условие?

Крылова ответила не сразу. Потом сказала, что догадалась по прежним разговорам Веры Павловны.

— Вы знали про десять заданий?

— Нет. Сейчас важно не сорвать наследственное оформление из-за семейной паники.

— Телефон без сим-карты включился сам. Голос ответил на то, что произошло несколько минут назад.

Крылова повторила, что скоро будет, и завершила разговор.

Елена осталась у двери. Раньше уверенность Натальи Геннадьевны её успокаивала. Теперь поверенная явно знала больше, чем хотела сообщить.

Экран нового домофона на стене включился. В списке активных жильцов появилась строка:

«Орлова Вера Павловна — дома».

Елена нажала на имя. Система предложила вызвать квартиру. Она отменила вызов и открыла поиск на телефоне.

Среди служб по сложным цифровым конфликтам нашёлся Отдел последствий чудес. В описании говорилось, что отдел занимается случаями, где невозможный факт уже повлиял на человека или помещение, но сначала проверяет обычную версию.

Елена позвонила.

Женщина в приёмной попросила назвать событие, которое нельзя объяснить заранее подготовленной рассылкой. Елена рассказала о голосовой записи, отключённом телефоне и домофоне. Сотрудница уточнила, сохранились ли устройства и переписка.

— Всё в квартире.

— Не перевозите старый телефон и роутер. Не отключайте питание и не меняйте настройки. Сфотографируйте экраны другим устройством.

— Вы приедете?

— Сначала вам нужно приехать к нам и оформить регистрацию невозможного факта. Возьмите свой телефон, записи и предмет, который связан с семейным аккаунтом или фотографиями. Остальные устройства оставьте на месте до решения специалиста.

Елена вспомнила старый альбом в шкафу гостиной. Фотография профиля Веры Павловны была сделана на даче и хранилась там же.

Из квартиры позвал Денис. На овальном столе лежало пять ключей. В записи Елены значилось шесть.

Они осмотрели пол и пространство под столом. Денис вывернул карманы. Артём показал свой ключ с зелёным колпачком. Исчез один из трёх ключей Елены, но она не могла определить какой: связка лежала общей кучкой.

На старом телефоне таймер продолжал отсчитывать время до полудня.

— Я еду в эту службу, — сказала Елена. — Телефон, роутер и ключи не трогать. Крыловой скажете, чтобы дождалась меня.

Денис возмутился, что она оставляет квартиру без контроля. Артём предложил поехать вместе, но Елена отказалась. В приёмной просили привезти документы и сначала оформить дело. Семейное собрание там только помешает.

Она достала из шкафа альбом, проверила, что запись голосового сохранилась, и убрала в сумку опись. Перед выходом ещё раз пересчитала ключи. Их оставалось пять.

В девять двадцать Елена вышла из дома. Домофон по-прежнему показывал Веру Павловну как активного жильца. Она не стала нажимать на имя второй раз и направилась к машине, прижимая к боку тяжёлый семейный альбом.

Глава 2. Умершая отвечает

К половине десятого Елена Андреевна успела трижды пересказать одно и то же и каждый раз меняла порядок событий. Сначала главным было сообщение о квартире, потом исчезнувший ключ, затем голос матери. Анна Зорина не перебивала. Она отмечала время в бумажном блокноте и возвращала рассказ к тому, что можно проверить.

Кабинет ОПЧ находился в бывшем районном ЗАГСе. От прежнего здания остались высокие зеркала, тяжёлые двери и маленький зал, где раньше регистрировали браки. Теперь сюда приходили, когда семейный или цифровой конфликт уже начинал менять документы, память или пространство. Для обычных ведомств Отдел последствий чудес значился экспертной группой по сложным случаям. Этого обычно хватало, чтобы не объяснять лишнего.

Елена сидела напротив стола и держала сумку на коленях. Телефон она не выпускала из руки.

— Ваша мать умерла три дня назад. Первое сообщение могло быть подготовлено заранее?

Елена согласилась не сразу. Вера Павловна могла настроить рассылку. Артём помогал ей с облачным хранилищем, Михаил знал пароль, а семейная поверенная Крылова оформляла цифровой архив. После этого перечня версия о невозможном стала менее убедительной.

Анна записала: «Обычная версия — отложенная публикация или удалённый вход».

— Теперь нужен факт, которого до смерти не существовало.

Елена рассказала про голосовую запись. Голос назвал её по имени, велел отодвинуть ключи и сказал, что она уже решила оставить квартиру себе. Денис в тот момент действительно сидел у стола и задел ключ локтем.

Камера была только в прихожей. Умную колонку Вера Павловна отключала от розетки. Старый телефон лежал без сим-карты и до сообщения не включался.

— Телефон принесли?

— Нет. Я запретила его трогать.

— Кто остался в квартире?

— Денис и Артём. Крылова должна приехать туда.

При имени поверенной Елена отвела глаза и сразу проверила чат. Анна это заметила, но пока не стала спрашивать. Клиенты редко скрывали всё. Обычно они заранее решали, что считать неважным.

На столе стоял старый сканер. Его собирались списать ещё до переезда отдела, но он продолжал работать по собственным правилам. В офисной сети жил Тихон, домовый здания, потерявший печь после ремонта. Анна относилась к нему как к сотруднику без должности: не спорила по мелочам и не доверяла выводы.

Она положила на стекло распечатку первого сообщения и нажала кнопку.

Сканер загудел. Вместо копии вышел чистый лист. В правом верхнем углу было напечатано только время: 08:10.

— Это время сообщения, — сказала Елена.

На экране компьютера открылось окно служебного чат-бота:

«Требуется временная регистрация покойной в семейном чате».

Анна закрыла его.

— Тихон, не требуется.

Принтер рядом щёлкнул, но бумагу не выдал.

Елена смотрела на пустой лист.

— Вы считаете это чудом?

— Я считаю это реакцией на фиксацию. Пока неизвестно, что именно отреагировало.

Анна объяснила, что ОПЧ регистрирует не странность вообще, а факт, который нельзя безопасно оставить обычной службе. Первое сообщение ещё укладывалось в заранее подготовленную рассылку. Голосовой ответ и исчезнувший ключ требовали проверки.

Елена хотела остановить чат, но просила не вмешиваться в наследственное дело.

— Одно другому не мешает, пока семья не выполняет задания, — сказала Анна.

— Первое мы уже почти выполнили.

— Поэтому дальше без наблюдения ничего не делаете.

По лицу Елены стало ясно, что она собирается согласиться только с удобной частью. Анна открыла переписку за утро. В отдельном разговоре Крылова советовала сложить ключи и не привлекать посторонних ещё до того, как получила текст задания.

— Наталья Геннадьевна много лет помогает семье.

— Это не отменяет вопрос о доступе.

— Я не хочу сорвать оформление наследства.

— Тогда нам нужен полный доступ к устройствам и сообщениям. Иначе я не принимаю дело.

Елена помолчала и подписала согласие на осмотр. Вторым документом она обязалась не менять пароли, ничего не удалять и не выполнять новые условия.

Телефон в её руке подал сигнал. В чате от имени Веры Павловны появился сердитый эмодзи.

— Это может иметь юридическую силу? — спросила Елена.

— Нет. Сердитое лицо не заменяет завещание.

В десять двадцать Роман вывел копию чата на отдельный ноутбук. Он сохранил время сообщений и список устройств, с которых входили в аккаунт. Анна перенесла распечатки в бывший зал регистраций.

Лев уже ждал у окна. Он работал семейным медиатором и умел долго слушать людей, не подталкивая их к удобному ответу. В ОПЧ у него была ещё одна задача: при сильном отклике он слышал скрытое условие в повторяемой фразе. Это не было чтением мыслей и не доказывало вину. Вторая фраза лишь показывала, где привычная договорённость могла скрывать цену.

— Что слышишь? — спросила Анна.

— Пока только одно: бабушка всегда решала правильно.

— Она сама это говорила?

— Сейчас важнее, что это повторяют живые.

Елена сидела у длинного стола. Перед ней лежал семейный альбом, который она привезла из квартиры. Старый телефон и роутер оставались на Таганке: Анна запретила перевозить их до осмотра.

Роман повернул ноутбук к ней.

— Первое сообщение отправлено через сервис отложенных публикаций. Настройку создали двенадцать дней назад.

Идентификатор устройства оказался старым: он встречался и у телефона Веры Павловны, и у планшета после восстановления копии. Первое сообщение могло быть подготовлено до смерти. Голосовая запись пришла позже, а за последние сутки в аккаунт входили с двух адресов. Один относился к квартире, второй — к мобильной сети. Удалённый оператор оставался возможным.

Анна положила перед собой металлическую скрепку.

— Напишем вопрос, которого не существовало до этой минуты.

Елена возразила: ответ мог стать новым условием. Лев тоже предложил не спешить.

— Мы ещё не понимаем, что семья подтверждает каждым ответом.

— Зато поймём, есть ли живой оператор, — сказала Анна.

— Первое условие уже забрало ключ.

— Мы не знаем, забрало ли его условие.

Лев посмотрел на альбом.

— А если сообщение нужно для того, чтобы вы снова признали право Веры Павловны решать за всех?

Елена сжала ремень сумки.

— Она была главой семьи.

— После смерти это право не продлевается автоматически.

Анна остановила разговор. Без контрольной реплики они продолжали бы обсуждать монтаж и чужой доступ. Она набрала в чате:

«Какой предмет сейчас лежит передо мной?»

Роман включил запись экрана. Ответ появился через семь секунд.

«Не предмет. Доказательство».

В ту же секунду альбом раскрылся посередине. Страницы перевернулись и остановились на пустом прозрачном кармане. Внутри остались уголки от фотографии.

Елена встала.

— Здесь был снимок с маминого юбилея. На даче, за столом.

— Кто сидел с краю?

Она ответила после паузы:

— Михаил. Возле окна.

Роман проверил цифровую копию альбома. Нужного файла там не было, и в журнале отсутствовала запись об удалении.

— Фотографию могли вынуть дома, — сказал он.

Анна согласилась. Ответ аккаунта тоже мог дать человек, который видел комнату через камеру или получал сведения от участника. Она заклеила камеру ноутбука, отключила микрофон и попросила проверить соединения. Новых входов не было. Сообщение прошло через серверную очередь без видимого активного сеанса.

— Проверка не исключила ни одну версию, — сказал Лев. — Зато альбом отреагировал на слово «доказательство».

— Поэтому едем в квартиру.

Анна решила изъять старый телефон, роутер и альбом как части одного процесса. По отдельности они могли дать три разные версии и скрыть связь между сообщениями и семейной памятью.

Лев хотел сначала поговорить с родственниками. Анна отказалась откладывать осмотр. Формулу можно было искать параллельно, а родственники до их приезда могли изменить настройки или убрать устройства.

Елена осторожно перелистнула страницу. Под плёнкой начала проявляться фотография. Сначала показались стол и белая скатерть, затем люди вокруг. Изображение собиралось медленно, словно загружалось при плохой связи.

Крайнее место возле окна оставалось пустым. Стул был отодвинут, тарелка перед ним стояла полной.

— Михаил там сидел, — повторила Елена.

Анна сфотографировала страницу служебной камерой и запретила закрывать альбом. После этого Елена уже не спорила о том, может ли проверка помешать наследству.

В одиннадцать десять машина ОПЧ выехала со двора. За рулём был Роман. Анна сидела впереди, Лев и Елена — сзади. Альбом лежал между ними в жёсткой папке.

До Таганки оставалось около двадцати минут, когда телефон Елены снова подал сигнал. Она прочитала сообщение и погасила экран.

— Покажите, — сказала Анна.

Денис начал в семейном чате опрос: «Кто имел право на последний разговор с бабушкой?» Варианты были составлены так, чтобы каждый мог выбрать себя. Последний звучал: «тот, кто действительно был рядом».

Артём уже написал, что такое право нельзя устанавливать голосованием, но тут же проголосовал за последний вариант. Денис ответил, что Михаил не приехал вовремя и теперь не должен пользоваться чужим чувством вины.

— Позвоните им. Пусть останутся.

Елена набрала Дениса. Он не ответил. В опросе появился второй голос.

Анна раскрыла альбом. Фотография семейного ужина оставалась на месте, но выцветшая подпись стала заметно ярче: «Все свои. Дача. Август».

На соседнем снимке лицо Михаила побледнело.

— Это может быть из-за света, — сказал Роман, глядя в зеркало.

— Продолжай запись.

Третий голос пришёл от Артёма. Подпись потемнела ещё сильнее, а черты Михаила стали почти прозрачными.

Лев наклонился к экрану.

— Они выбирают не участника последнего разговора. Они подтверждают, кто имел право считаться близким.

Анна взяла телефон.

— Голосование закрыть. Сейчас.

Елена не ответила. Напротив её имени уже стояла отметка.

Она проголосовала за себя.

— Когда?

— До того, как вы попросили показать телефон. Я хотела увидеть результат.

Анна не стала разбирать это в машине. Она распечатала экран на переносном принтере и записала время голосов. Цифровые данные могли измениться, бумага сохраняла хотя бы порядок.

Елена дозвонилась Артёму. На заднем плане Денис говорил, что отменять опрос поздно и большинство всё равно покажет правду. Анна забрала телефон.

— Закройте опрос и отойдите от устройств. Мы будем через пятнадцать минут.

Денис потребовал объяснить, на каком основании посторонняя служба распоряжается в квартире. Анна сослалась на согласие Елены и повторила требование. После короткого спора опрос закрыли.

На экране оставалось четыре голоса. Елена выбрала себя. Денис — себя. Артём проголосовал за того, кто был рядом. Четвёртый голос сначала появился без имени, затем строка обновилась:

«Вера Павловна Орлова выбрала: тот, кто действительно был рядом».

Подпись на фотографии стала чёткой. Лицо Михаила исчезло почти полностью, но его рука ещё лежала на спинке стула.

Анна убрала распечатку в блокнот. Теперь чат, старый телефон и альбом нельзя было расследовать отдельно. Семья делала выбор в одном месте, а результат проявлялся в другом. Сильнее всего менялся человек, которого даже не включили в список по имени.

Машина свернула к Таганке. Елена держала телефон обеими руками и больше не спрашивала, помешает ли расследование наследству.

Глава 3. Регистрация невозможного факта

К двенадцати Анна уже знала, что в квартире на Таганке никто не выполнил её просьбу ничего не трогать. Овальный стол передвинули ближе к окну, оставшиеся ключи сложили в керамическую миску, а дверь в спальню Веры Павловны пытались открыть по очереди.

Денис встретил сотрудников ОПЧ в прихожей и сразу спросил, почему осмотр начинается так поздно. Роман включил служебную камеру. Лев прошёл в гостиную вместе с Еленой и поставил семейный альбом на стол. Анна велела всем оставаться на местах.

В миске лежали пять отдельных ключей и связка с чёрным пластиковым жетоном. Связку нашли в кармане старого плаща Веры Павловны после отъезда Елены. Денис решил, что это запасной комплект от спальни. Артём утверждал, что видел его раньше у Михаила. Елена не была уверена ни в одном объяснении.

Денис хотел вскрыть спальню немедленно. Артём держался у окна и почти не участвовал в споре. Его внимание всё время возвращалось к высокому шкафу возле двери.

Анна сняла комнату, миску и лист Елены с первоначальным количеством ключей. На листе было записано шесть. Один ключ исчез утром. Позже нашли неизвестную связку из двух ключей, поэтому общее число уже ничего не доказывало.

Крылова приехала через несколько минут. Она вошла своим ключом и представилась так, словно встречу назначила сама. Наталья Геннадьевна принесла папку с документами и копию распоряжения Веры Павловны о цифровом архиве.

— До нотариальной описи из квартиры ничего не вывозится. Я отвечаю за сохранность имущества.

Анна потребовала документ, который давал Крыловой такое право. Та протянула доверенность на работу с цифровым наследством. Полномочий на имущество после смерти там не было, но родственники заметно успокоились, когда она встала рядом с дверью спальни.

Елена напомнила, что согласие на работу ОПЧ уже подписано. Денис возразил: квартира принадлежит не только ей. Артём заметил, что пока она не принадлежит никому из них.

Анна подошла к двери. Обычный цилиндрический замок не реагировал ни на один ключ из миски. Роман проверил датчик: питание было, но последние записи обрывались вчерашним вечером. С утра система считала спальню закрытой.

Крылова попросила не повреждать дверь, затем повернулась к Елене.

— Вам следует войти первой. Вы дочь Веры Павловны и организуете наследственные дела.

Замок щёлкнул.

Никто не успел вставить ключ. Ручка опустилась, дверь приоткрылась и снова остановилась.

В журнале появилась запись: «Доступ разрешён. Орлова Елена Андреевна».

Анна отвела всех от двери. Её закрыли. Денис заявил, что войти первым должен он как старший внук и будущий хозяин квартиры. Замок не отреагировал. Артём сказал, что сначала нужен человек, который понимает устройство телефона. Ничего не произошло.

Елена повторила, что ей положено войти первой. Дверь снова открылась.

Анна записала фразу. Квартира реагировала не на физический ключ, а на признанное право. Она не стала произносить вывод вслух. Стоило назвать механизм, и родственники начали бы использовать его друг против друга.

— Решите, кто войдёт, — потребовал Денис.

— Я не буду назначать достойного. Входить будете по одному. Перед каждой попыткой я фиксирую, кто признаёт право войти.

Отказ раздражил всех. Денис решил, что ОПЧ уклоняется от ответственности. Крылова напомнила о сроках оформления. Елена посмотрела на Анну так, словно та намеренно усложняла простую процедуру.

Первой вошла Елена. Дверь пропустила её после слов Крыловой. Затем Артём признал право Анны осмотреть устройство как специалисту. Роман прошёл по её распоряжению. Лев остался в гостиной.

В дверь позвонили.

На площадке стоял Михаил. Он приехал без куртки, в сером свитере, и держал старую связку ключей. Елена призналась, что написала ему из машины и попросила привезти комплект.

— Это от входной двери и спальни. Вера Павловна сама оставила мне их четыре года назад.

Денис сразу сказал, что после смерти ключи следовало вернуть. Михаил не ответил. Он посмотрел на открытую спальню и протянул ключи Анне.

— Мне входить не нужно.

Анна спросила, когда он был здесь в последний раз. Михаил назвал вечер перед госпитализацией Веры Павловны. Он привёз лекарства и ушёл около десяти. После смерти не приходил.

Елена попросила его остаться. Замок спальни щёлкнул. Михаил вошёл следом за ней.

Датчик на двери не подал сигнала. В журнале сохранились проходы Елены, Анны и Романа. Строки с именем Михаила не появилось. Роман попросил его выйти и войти снова. Дверь открывалась, но система не считала, что через неё прошёл человек.

Анна поставила рядом с его фамилией первую отметку о цене и прекратила проверку. Михаил заметил запись, но не спросил, что она означает. Он только убрал руки в карманы и отступил от двери. Денис, наоборот, потребовал повторить опыт ещё раз с другим датчиком. Анна отказалась. Одного совпадения было мало для вывода, но достаточно, чтобы больше не рисковать человеком ради удобной проверки.

В спальне всё оставалось на местах, кроме одного открытого ящика. Старый телефон лежал внутри рядом с вынутым аккумулятором. Артём признался, что снял батарею после отъезда Елены. Экран продолжал показывать таймер, и он хотел проверить, отключится ли аппарат.

— Отключился?

— На две минуты. Потом экран загорелся снова.

Крылова потребовала оставить телефон до официальной описи. Анна осмотрела ящик. Пыли вокруг аппарата почти не было. Телефон брали утром и вернули на прежнее место.

Артём снова посмотрел на шкаф.

— Здесь была красная папка.

Денис сразу повернулся к нему. Артём объяснил, что Вера Павловна хранила в ней медицинские счета и бумаги с дачи. Последний раз он видел её месяц назад на верхней полке. Сейчас там лежали старые квитанции.

Денис обвинил его в краже. Артём заметно растерялся и стал проверять полки сам. Он не объяснял, почему папка так важна, и это работало против него.

Анна остановила поиски и отметила пропажу папки отдельно. Сначала нужно было разобратся с телефоном.

Роман положил аппарат в экранирующий пакет и подключил внешний измеритель. Питания не было. Экран оставался чёрным, пока Анна не произнесла вслух время изъятия.

Телефон включился.

На нём появился список из десяти пустых строк. Возле первых шести стояли старые метки времени, относившиеся к дням до смерти Веры Павловны. Четыре нижние строки получили новые даты: две после похорон и две сегодняшние.

Роман успел снять экран. Через пять секунд список исчез, и снова появился таймер первого задания.

— Первые шесть могли быть подготовлены заранее. Последние четыре появились позже.

Крылова заметила, что дату на экране можно подделать. Она была права, однако подошла ближе и больше не настаивала, что сообщения целиком составлены при жизни Веры Павловны. Роман по указанию Анны сохранил исходный ролик отдельно и сразу сделал бумажную отметку о времени. Цифровой файл рядом с таким делом мог измениться раньше, чем они успеют его сравнить.

Анна оформила изъятие телефона. Елена подписала акт. Денис отказался, Артём поставил подпись после паузы. Крылова потребовала заверенную копию и отдельно записала своё возмущение.

Роман распечатал акт на переносном принтере. В приложение вошёл снимок списка из десяти строк. Крылова проверила страницы, расписалась в получении и убрала экземпляр в папку.

Принтер снова заработал.

Бумагу на печать никто не отправлял. Из лотка вышла ещё одна копия приложения. На ней десятая строка уже не была пустой.

«Выберите того, без кого справитесь».

Крылова потянулась к листу, но Анна накрыла его прозрачным пакетом и отметила время. Денис перестал требовать объяснений.

— Это одно из заданий? — спросила Елена.

— Пока это зафиксированная строка. Не выполняйте её и не обсуждайте варианты.

Телефон и аккумулятор упаковали отдельно. Роутер Роман оставил подключённым, чтобы сохранить текущий журнал. Альбом лежал раскрытым на фотографии, где место Михаила оказалось пустым.

К часу двадцати все собрались на кухне. Анне нужно было понять, почему каждый продолжал участвовать в заданиях.

Официальное наследство оказалось проще обещания из чата: квартира на Таганке, дача в Новой Москве и небольшой банковский счёт. О скрытом вкладе никто не слышал до сегодняшнего утра.

Денис считал квартиру своей будущей собственностью, хотя избегал прямой формулировки. Он ссылаясь на ремонт и часть расходов. Елена уточнила, что речь шла о замене окна семь лет назад. Денис ответил, что помощь не становится меньше из-за срока.

Елена говорила об организации ухода. Она находила врачей, договаривалась о госпитализации и следила за документами. Артём напомнил, что последние месяцы она приезжала по выходным. Елена ответила, что у неё работа и собственная семья.

Артём не претендовал на квартиру вслух, но слишком внимательно следил за разговором о красной папке. Крылова предлагала дождаться нотариуса и одновременно советовала выполнять безопасные условия чата, чтобы не потерять возможный вклад.

Михаил сидел у края стола. Перед ним лежала связка ключей, которую Анна вернула после съёмки. Когда разговор дошёл до ухода за Верой Павловной, Денис сказал, что каждый помогал по возможности. Елена назвала Михаила человеком, который иногда выручал.

— Иногда?

Она поправилась: Михаил приезжал чаще остальных в последние два года. Денис заметил, что это не делает его наследником. После этого Михаил больше ничего не сказал.

Анна спросила, кто оплачивал сиделку и лекарства. Елена назвала мать. Денис предположил, что расходы шли с её карты. Крылова сказала, что финансовые документы нужно запрашивать официально. Михаил не стал их поправлять.

Лев тихо заметил Анне, что семья легче обсуждает деньги, чем время, проведённое рядом с Верой Павловной.

Михаил встал.

— Я ключи привёз. Больше от меня ничего не нужно.

Елена попросила его дождаться опроса, но он отказался. В чате его не было, на наследство он не претендовал, а обсуждать свою полезность за общим столом не собирался.

Он оставил связку рядом с миской и вышел. Никто не остановил его второй раз.

На кухонной полке стояла умная рамка. До ухода Михаила она показывала семейную фотографию с дачи: Вера Павловна в центре, родственники вокруг стола, Михаил возле окна. Изображение обновилось без сигнала.

Его место оказалось пустым. Стул сохранился, на столе перед ним стояла чашка, но самого Михаила на снимке больше не было.

Анна записала три рабочих якоря: семейный чат, старый телефон и общий образ семьи, закреплённый в фотографиях и квартире. Рядом добавила: «Первое бытовое исчезновение. Михаил. Дверной датчик и рамка».

Елена заметила движение и хотела посмотреть на экран. Анна заслонила рамку папкой и объявила, что дальше разговоры пройдут отдельно.

Телефоны подали сигнал почти одновременно.

В чате появилось второе задание:

«Назовите последнего человека, которого Вера Павловна считала семьёй».

Под сообщением открылась строка для ответа.

Анна велела положить телефоны экранами вниз. Елена подчинилась первой, затем нехотя убрал телефон Денис. Крылова оставила свой аппарат рядом с папкой и спросила, когда можно будет продолжить оформление. Анна ответила, что сначала они установят, что именно исчезает после семейного выбора. За дверью лифт уже увозил Михаила на первый этаж, а умная рамка больше не могла подтвердить, что он сидел за этим столом.

Глава 4. Ключи на стол

К двум часам Анна перенесла все ключи из миски на овальный стол и разложила их на листах бумаги. Роман присвоил каждому номер, снял обе стороны и записал заводскую маркировку. Семья стояла рядом и мешала по-разному: Денис торопил, Елена поправляла его объяснения, Артём уверял, что часть ключей видит впервые. Крылова проверяла акт изъятия телефона и напоминала, что наследственное дело откроют только завтра.

На экране изолированного планшета оставалось второе задание: назвать последнего человека, которого Вера Павловна считала семьёй. Ответов не было. Анна велела отключить уведомления на личных телефонах и предупредила, что даже пробное голосование станет новым действием, а не безобидной проверкой. Денис согласился только после того, как Роман показал изменившуюся фотографию без Михаила.

На столе оказалось девять ключей. По словам родственников, их должно было быть восемь.

Три принадлежали Елене. Два принёс Денис. Один Артём называл своим, хотя утром уверял, что у него только один ключ. Ещё два были на связке с чёрным жетоном, найденной в плаще Веры Павловны. Последний лежал отдельно. Он был новее остальных и имел металлическую бирку.

— Откуда этот? — спросила Анна.

Никто не ответил.

Денис предложил сразу проверить его на входной двери. Анна не разрешила. Сначала нужно было понять происхождение каждого экземпляра и исключить скрытый доступ.

Роман наклеил бумажные полоски и подписал их по словам владельцев. Денис потребовал отметить, что один его ключ открывает только нижний замок. Артём отказался подписывать свой и предложил оставить номер без имени.

— Утром ты сказал, что потерял его, — напомнила Анна.

— Думал, что потерял. Потом нашёл в рюкзаке.

Артём отвечал спокойно, но всё время смотрел на новый ключ. Его беспокоила не собственная связка.

Денис тоже признал не всё. После прямого вопроса он достал плоский ключ с синей головкой.

— От подсобки. К квартире не относится.

Подсобка находилась в подвале этого же дома. Там, как выяснилось, Денис хранил вещи Веры Павловны. Анна внесла ключ отдельной строкой.

Елена молчала, пока Роман не заметил пустой карабин на её связке. Тогда она вынула из сумки запасной ключ от верхнего замка. По её словам, она забрала его утром, чтобы Денис не запер квартиру изнутри.

— Я собиралась вернуть.

— Вы подписали согласие на полный доступ к сведениям.

— Я не считала его важным.

Анна добавила ключ к акту. В семейных делах люди часто называли неважным именно то, что скрывали от остальных.

Крылова предложила считать неизвестный ключ дубликатом Михаила. Денис поддержал её. Он напомнил, что Михаил знал пароль от телефона и приходил без предупреждения.

На бумажной бирке отдельного ключа проступило имя «Михаил».

Роман первым заметил изменение. Минуту назад на полоске стоял только номер девять. Почерк не походил ни на его, ни на Аннин.

— Если это его ключ, значит, он входил когда хотел, — сказал Денис.

Слово «Михаил» побледнело. На его месте появилось «Денис».

Заводской номер на металле не изменился.

Елена сказала, что Денис пока не хозяин квартиры. Надпись исчезла. Затем она добавила, что квартира принадлежала Вере Павловне. На полоске появилось её имя.

Анна остановила проверку. Менялась подпись, но сам ключ сохранял номер и форму. Отклик подстраивал владельца под мнение присутствующих, не меняя происхождение предмета.

Роман позвонил в мастерскую по номеру на бирке. Заказ нашли в журнале. Дубликат изготовили два года назад по заявлению Веры Павловны. Получателем был указан Михаил Орлов. К заказу прилагалось её письменное согласие. Дата совпадала с неделей, когда Вера Павловна сломала руку и временно не могла выходить из дома. Елена вспомнила это только после того, как Роман назвал месяц.

Версия о тайном изготовлении ключа не подтвердилась.

Денис всё равно счёл доступ Михаила предательством. Елена напомнила, что мать могла выдать ключ без разрешения будущих наследников. Артём спросил, почему законный дубликат злит их сильнее исчезнувшего.

Анна запечатала квартирные ключи в прозрачный пакет.

— Доступ не доказывает право собственности и не делает Михаила оператором чата. Новые дубликаты до окончания проверки не заказывать.

Крылова стояла у окна и будто читала свой экземпляр акта. В отражении стекла Анна увидела, как она сфотографировала страницу с данными мастерской и отправила снимок в отдельный диалог. Имя получателя не отобразилось.

Анна записала время и попросила убрать телефон. Крылова подчинилась без вопросов.

В подвал спустились Анна, Роман, Денис и Артём. Крылова пошла следом, сославшись на сохранность имущества. Елена осталась наверху с Львом.

Подсобка находилась за железной дверью рядом с узлом отопления. Денис открыл её с первой попытки. Проход занимал завёрнутый в плёнку комод. На плёнке был приклеен лист с именем покупателя и временем вечернего самовывоза.

Денис сорвал лист, но поздно.

За комодом стояли ещё две вещи с такими же наклейками. Он признал, что выставил их на продажу, а деньги хотел потратить на квартиру. Согласия остальных у него не было. На его телефоне сохранилась переписка с покупателем: тот уже внёс небольшой задаток и собирался приехать после шести. Анна отдельно зафиксировала перевод, чтобы Денис позже не назвал сделку несостоявшимся разговором.

Артём потянулся за телефоном, чтобы позвать Елену. Анна остановила его. Имущественный спор уже отделился от вопроса о сообщениях. Денис мог распоряжаться вещами без разрешения и при этом не иметь доступа к аккаунту.

На верхней полке лежала коробка от нового роутера. Модель совпадала с устройством в квартире. Денис объяснил, что заменил старый аппарат месяц назад, потому что связь часто пропадала.

Роман попросил открыть приложение управления. Денис не смог войти. Установщик оставил заводской пароль и перенёс настройки со старого устройства. Денис пользовался сетью, но не знал административной учётной записи.

Серийный номер на коробке совпал с роутером наверху. Подмены не было.

В ящике старого стола Анна нашла адресную книгу Веры Павловны. Резинка на обложке рассыпалась в руках. Она положила книгу на коробку, и страницы начали переворачиваться сами. Остановились на букве «М».

Вверху было написано: «Миша». Ниже сохранился адрес и пометка о лекарствах. Строка с телефоном оказалась пустой. Бумага была чистой, без следа ручки.

Артём проверил контакт в своём телефоне. Номер Михаила сохранился. У Дениса он был записан без фамилии. Крылова заметила, что цифры могли стереть раньше.

Анна закрыла книгу. Она снова раскрылась на той же странице.

Денис не помнил, был ли там номер утром. Артём видел запись несколько недель назад и был уверен, что Вера Павловна звонила Михаилу по этой книге.

Телефон Дениса подал сигнал.

В семейном чате появилось сообщение:

«Верни взятое — и получишь право голоса».

Денис посмотрел на комод.

— Я ничего не получил. Продажа не состоялась.

— Сообщение говорит о взятом, а не о деньгах, — сказал Роман.

Анна прекратила обсуждение. Реальное присвоение нельзя было превращать в доказательство того, что Денис управляет чатом. Она зафиксировала объявления и предупредила, что вещи останутся в подсобке под пломбой до нотариальной описи.

Елена появилась в дверях. Лев стоял за ней. Она уже прочитала сообщение и спустилась, хотя обещала ждать наверху.

Денис начал объяснять про ремонт. Елена смотрела на сорванную наклейку с именем покупателя.

— Ты собирался продать мамины вещи?

— Освободить квартиру. Деньги остались бы у нас.

Она повернулась к Анне.

— Мы сами разберёмся. Это не относится к вашему делу.

— Относится к описи. К источнику сообщений пока нет.

Елена хотела защитить сына и одновременно сохранить право разбираться с ним без посторонних. Она повторила, что свои решат сами.

Адресная книга снова открылась. На странице Михаила исчезла пометка о лекарствах. Остался только адрес.

Анна запечатала книгу в отдельный пакет. Цена уже затрагивала не только фотографии. Из семейной записи уходили способы связаться с Михаилом и следы того, зачем Вера Павловна ему звонила.

Они вышли во двор через подвальную дверь. Денис направился к главному подъезду, чтобы вернуть коробку от роутера. Электронный ключ не сработал. Он приложил его ещё раз. Домофон сообщил, что доступ не подтверждён.

Роман проверил идентификатор. Ключ числился активным.

Крылова отвела Елену в сторону. Она говорила негромко, но Анна слышала: первое условие оказалось безопасным, лишний доступ установлен, значит, семье лучше продолжить задания и не терять возможный вклад. ОПЧ, по её мнению, мог заниматься техникой, не вмешиваясь в решения наследников.

Анна подошла ближе.

— До анализа никаких ответов и голосований.

— Вы уже забрали телефон и нашли ключ Михаила, — сказала Елена. — Что ещё вам нужно?

— Понять, почему после каждого семейного решения меняются доступ и память.

— Нам нужно закончить наследство, а не исследовать нашу семью.

— Чат использует именно вашу семью.

Лев попросил Елену не отвечать сразу. В первом опросе выбирали не участника последнего разговора, а того, кому позволено считаться близким. Теперь сообщение обещало Денису право голоса в обмен на возврат вещей.

Крылова возразила, что вернуть чужое разумно.

— Разумно, — согласился Лев. — Но право говорить не должно выдаваться за послушание.

Денис снова приложил ключ к панели. Дверь не открылась.

Елена подошла к домофону.

— Это мой сын. Он наследник и имеет право войти.

Замок сразу сработал. На экране появилось: «Доступ подтверждён значимым жильцом».

Денис вошёл и придержал дверь. Артём попытался пройти следом, но створка закрылась перед ним. Елена назвала его племянником. Домофон не отреагировал. После слов «он тоже наследник» дверь открылась.

Анна записала обе фразы и время. Признание Елены физически меняло доступ сильнее общего опроса.

Елена указала на открывшуюся дверь.

— Видите? Я могу это контролировать.

— Вы подтверждаете правило. Квартира сама решает, как его исполнить.

— Тогда остановите её. Для этого я к вам приехала.

— Остановлю, когда пойму цену. До этого конкурс прекращается.

— А если мы потеряем вклад?

— Пока он существует только в сообщении с аккаунта умершей.

Крылова встала рядом с Еленой. Елена держалась за ремень сумки и смотрела на подъезд, где замок только что подчинился её словам. Для неё это было почти доказательством, что мать всё ещё назначает порядок, а значит, задания нельзя просто прекратить. Анна увидела, что клиент уже воспринимает ОПЧ как помеху между семьёй и обещанной наградой.

Она решила не продолжать спор во дворе. Телефон, аккумулятор и роутер нужно было отвезти на экспертизу. Роман поднялся за устройством. Лев остался с семьёй и согласился следить, чтобы до вечера никто не отвечал в чате.

Перед отъездом Анна добилась от Елены обещания: без новых голосований и без проверок, кого дом считает своим. Елена произнесла его неохотно. Домофон не отреагировал.

Машина выехала со двора в половине четвёртого. Роман открыл изолированную копию чата. Семья молчала, но в списке появилась новая служебная строка:

«Анна Зорина не член семьи. Её голос не считается».

Глава 5. Первый голос

К пяти вечера квартира немного успокоилась, но это спокойствие держалось на запрете Льва отвечать в чат. Телефоны лежали на комодке экранами вниз. Денис ходил между гостиной и прихожей, проверяя, не вернулся ли доступ в подъезд без чужого подтверждения. Елена сидела за овальным столом рядом с семейным альбомом. Крылова устроилась у окна и уже несколько минут смотрела в одну и ту же страницу.

Артём ушёл за едой. Перед выходом он дважды спросил, не собирается ли Лев позволить им ответить без него. Лев сказал, что до возвращения Анны никаких голосований не будет. Денис воспринял это как личное ограничение его прав и теперь время от времени напоминал, что ОПЧ не распоряжается наследством.

В семейном чате по-прежнему висело второе задание:

«Назовите последнего человека, которого Вера Павловна считала семьёй».

Под сообщением была строка для общего ответа. Чат предлагал выбрать имя из участников, но список менялся при каждом обновлении. Михаила в нём не было. Серый профиль без имени, появившийся после осмотра, то исчезал, то возвращался в самый низ.

— Мы можем просто написать правду и закончить с этим, — сказал Денис. — Последним с ней говорил я.

Елена подняла глаза.

— Ты приехал после больницы на десять минут.

— Я приехал. Остальные не приехали.

Артёма не было, поэтому Денис говорил свободнее. Он предложил вписать своё имя и проверить, откроется ли следующий этап. Крылова не возражала. По её мнению, ответ не создавал имущественных последствий, если никто не подписывал отказов и соглашений.

Лев стоял у стола и смотрел на фотографию, где место Михаила оставалось пустым. Убедительность семейного разговора мешала сильнее, чем открытый конфликт. Каждый произносил разумные слова и незаметно подводил остальных к одному действию.

— Сейчас вы выбираете не того, кто говорил последним, — сказал он. — Вы решаете, чьё присутствие считается достаточным доказательством близости.

Денис спросил, в чём разница. Елена ответила раньше Льва: Вера Павловна всегда сама определяла, кто действительно рядом. Фраза прозвучала привычно, без нажима. Крылова кивнула. Денис добавил, что семья должна уважать её порядок хотя бы после смерти.

В комнате изменился звук. Лев продолжал слышать голоса, шум улицы и работу холодильника на кухне, но за словами Елены проступила вторая фраза. Она не была произнесена вслух и не принадлежала одному человеку.

«Мы всегда были вместе, пока можно исключить одного».

Лев опёрся ладонью о край стола. В висках появилась боль, затем стало трудно понять, откуда пришло раздражение. Он сердился на Дениса, на Елену и на себя за то, что сразу решил защищать Михаила. Вторая фраза показывала условие, но не объясняла, кто его создал и почему именно Михаил оказался на месте исключённого.

— Лев Михайлович? — спросила Елена.

Он выпрямился и убрал руку со стола.

— Имя пока не называем. Сначала каждый вспомнит один поступок последней недели жизни Веры Павловны. Не мнение о заботе, а конкретное действие.

Денис возразил, что это уже допрос. Лев не стал спорить. Он попросил начать с него.

Денис долго вспоминал и сказал, что приезжал после больницы. Что именно сделал в квартире, он объяснить не смог. Привёз документы, но Вера Павловна спала, а папку он оставил Елене. Елена подтвердила только сам визит.

Она рассказала, что согласовала с врачом повторный осмотр. Крылова передала нотариальные бумаги. Когда очередь дошла до Михаила, все замолчали.

На тумбочке возле дивана стояла коробка для таблеток. На крышке сохранилась полоска бумаги с часами приёма. Елена признала почерк Михаила. Он же заменил разболтавшуюся ручку в ванной, потому что Вера Павловна боялась вставать без опоры. Денис вспомнил пакет с замороженным бульоном и сказал, что его тоже привёз Михаил, хотя мать потом жаловалась на отсутствие соли.

Получалось, что за последние дни Михаил оставил в квартире больше проверяемых следов, чем те, кто называл себя ближайшими.

Денис сказал, что бытовая помощь не даёт права считаться главным человеком. Лев не ответил. Формула была именно в этом: поступки признавались, пока не меняли семейную иерархию.

Елена взяла телефон с комода, но не разблокировала.

— Если ответить «Михаил», мы признаем то, чего мама никогда не говорила.

— А если не ответить, ничего не потеряем, — сказал Лев. — До проверки.

Елена положила телефон обратно. Она не согласилась с ним, только отложила решение. Для вечера этого было достаточно.

Артём вернулся около шести с бумажными пакетами из кафе у метро. Он поставил еду на кухонный стол и первым делом проверил чат. Увидев пустую строку ответа, заметно ослабился.

За едой семья почти не разговаривала. Денис ел стоя и листал переписку с покупателем комода. Елена убрала телефон подальше, но постоянно смотрела на него. Крылова ушла звонить на лестничную площадку.

Лев попросил Артёма задержаться на кухне. Он хотел понять, почему тот настаивает на имени Михаила и одновременно скрывает, что искал в спальне.

— Добавьте его в чат, — сказал Артём. — Пусть сам решит, отвечать ему или нет.

— Елена против.

— Потому что он не наследник. У нас теперь родство по справке из нотариальной конторы.

Елена услышала из гостиной и вошла.

— Не передёргивай. Михаил сам вышел из чата.

— После того как Денис неделю объяснял, что он здесь чужой.

— Он не назван в завещании.

— Задание спрашивает про семью, а не про очередь.

Лев остановил спор. Ему нужен был поступок Артёма, а не очередной обмен старыми обвинениями. Он попросил показать, как устроен чат и может ли администратор вернуть вышедшего участника.

Администратором оставалась Вера Павловна. После её смерти права не перешли никому. Артём попробовал отправить приглашение по номеру Михаила, но система сообщила, что пользователь уже состоит в группе.

В списке участников появился серый профиль без фотографии и имени.

Елена открыла тот же список на своём телефоне. Профиль был и там. Последний вход не указывался, номер скрывался. Роман, подключённый к разговору по служебной связи, подтвердил, что это не обычный участник: у записи отсутствовал технический идентификатор.

— Не нажимайте на него, — попросил Лев.

Денис уже нажал. Открылась пустая карточка с одной строкой: «Принадлежность не подтверждена».

Елена побледнела, но продолжала настаивать, что Михаила нельзя возвращать без его согласия. Лев согласился. В этом она была права. Самовольное включение человека в семейный спор оставалось нарушением, даже если делалось ради его защиты.

Артём смотрел не на экран. Его внимание снова ушло к двери спальни и к шкафу, где раньше лежала красная папка.

— Что было в папке? — спросил Лев.

— Бумаги.

— Какие?

— Не знаю. Поэтому искал.

Ответ был подготовлен заранее. Артём произнёс его без паузы, но сжал край пакета так, что бумага порвалась возле ручки.

Лев не стал упоминать вторую фразу. Вместо этого спросил, почему Артём боится отсутствия папки сильнее, чем подозрений в свой адрес.

— Потому что без неё они опять выберут удобную версию.

— Какую?

— Что Михаил ничего не делал, а потом пришёл за квартирой.

Елена сказала, что Михаил никогда не просил квартиру. Артём посмотрел на неё с усталостью.

— Это вам не мешает заранее ему отказать.

В сером профиле появилась отметка набора текста. Телефоны на комодѣ подали сигнал почти одновременно.

Пустой участник отправил сообщение:

«Я был последним».

Денис сразу решил, что это Михаил. Артём возразил: Михаил не стал бы писать через пустой профиль. Елена попыталась позвонить ему, но вызов не прошёл. Телефон сообщил, что номер не найден в контактах, хотя утром она звонила без труда.

Лев попросил не отвечать. Он сделал снимок экрана на служебный телефон и переслал Роману. Серый профиль исчез из списка, но сообщение осталось.

Артём впервые перестал спорить.

— Вы ему скажете?

— Сначала проверим номер и доступ, — ответил Лев.

Он уже почти решил, что Михаил платит цену отклика. Вторая фраза, исчезающие фотографии и пустой профиль складывались слишком удобно. Именно поэтому Лев не хотел сообщать Анне вывод как установленный факт. Он пообещал себе сначала получить внешнее подтверждение, но понимал, что за осторожностью прячется другое желание: не давать Анне ещё одну угрозу, пока она занята экспертизой.

К семи семьям согласилась разойтись по комнатам и не трогать чат до утра. Крылова уехала раньше, сославшись на встречу. Денис остался в квартире. Елена собиралась ночевать у себя, но перед уходом ещё раз проверила пустой профиль. Михаила в списке не было.

Лев вышел во двор и сел в машину. Движение на Садовом кольце стояло. Он включил навигатор и выбрал дорогу к ОПЧ, чтобы передать Анне бумажные записи.

Маршрут построился до квартиры Орловых.

Лев отменил его и ввёл адрес отдела вручную. Через несколько секунд стрелка снова развернулась к Таганке. Навигатор предлагал объехать квартал и вернуться к тому же подъезду.

Он выключил приложение. Экран погас, но голос из динамика сообщил, что до места назначения осталось двести метров.

Боль в висках усилилась. Внутри продолжали звучать чужие ожидания. Елена хотела, чтобы он оказался разумнее Анны и разрешил семье закончить испытание. Артём ждал, что он защитит Михаила. Анна, как ему казалось, и без объяснений поймёт, что делать дальше.

Последняя мысль была его обычной ошибкой. Он часто считал, что близкому человеку легче, если не приносить ему непроверенную тревогу. Потом оказывалось, что он не защитил Анну, а решил за неё, какую часть дела она имеет право знать.

Лев опустил стекло. С улицы вошёл шум машин. Это немного вернуло расстояние между ним и квартирой.

Он задал себе вопрос, который обычно задавала Анна после перегрузки: чего хочешь ты?

Первым пришёл ответ: вернуться и не оставлять Михаила одного. Он не был уверен, что желание принадлежит ему. Следом возникла потребность немедленно доказать, что семья несправедлива. Она тоже могла быть продолжением услышанной формулы.

Лев дождался, пока дыхание выровняется, и произнёс вслух:

— Я хочу передать Анне то, что услышал, и не решать за неё, что с этим делать.

Навигатор замолчал. Когда он включил экран, маршрут вёл к ОПЧ.

Лев позвонил Анне. Она ответила не сразу. На заднем плане работало оборудование, Роман говорил о временных метках.

— У меня есть вторая фраза, — сказал Лев. — Семья повторяет, что они всегда были вместе. Я слышу продолжение: «пока можно исключить одного».

Анна записала фразу дословно и спросила, относится ли она к Елене.

— Не уверен. Она прозвучала через общий разговор. Источник может быть вся семья, а не один человек.

Он рассказал о поступках последней недели, сером профиле и сообщении «Я был последним». Отдельно признался, что почти не позвонил, потому что решил не перегружать её положением.

— Спасибо, что всё-таки позвонил, — сказала Анна. — Михаила пока не объявляем ценой. Сначала проверим.

Её ответ оказался спокойнее того, который он успел придумать за неё.

— Что у вас?

Анна помолчала секунду.

— Мы подняли журнал отложенных публикаций. Шесть сообщений созданы до смерти Веры Павловны. Учётная запись принадлежит Артёму.

Глава 6. Телефон без хозяйки

В восемь двадцать утра телефон Веры Павловны лежал в прозрачном боксе на лабораторном столе. Аккумулятор был вынут, сим-карта находилась в отдельном пакете, сетевые модули Роман отключил ещё вечером. Несмотря на это, на чёрном экране время от времени появлялся значок нового сообщения.

Анна стояла рядом с бумажным блокнотом. За ночь она трижды переписала временную линию: сначала по журналам чата, потом по данным облачного сервиса, затем по записям из квартиры. Цифровые отметки уже начали расходиться, поэтому бумага оставалась единственной версией, которой она пока доверяла.

Роман вывел на монитор таблицу.

— Первые шесть заданий созданы заранее. Учётная запись принадлежит Артёму Орлову. Настройка шла с его ноутбука, даты — до смерти Веры Павловны.

Анна посмотрела на строки. Время совпадало с тем, что они увидели на старом телефоне: шесть старых меток и четыре новые. Это подтверждало часть обычной версии. Артём подготовил основу конкурса, а значит, скрывал не только поиск красной папки.

— А голосовое с ответом Елене?

— Нет серверного события. В очереди его нет, входа в аккаунт нет, загрузки файла нет. Но у всех участников запись появилась.

Роман открыл копию чата. Голосовое существовало в интерфейсе, воспроизводилось и имело длительность девятнадцать секунд. На стороне сервиса его не было. То же относилось к ответу на контрольный вопрос Анны и сообщению пустого профиля.

— Значит, первые шесть можно объяснить подготовленной схемой, — сказала Анна. — Поздние ответы — нет.

— Можно объяснить вмешательством на устройствах участников, — заметил Роман. — Если заражены телефоны, они могут показывать локальные сообщения.

— Все сразу, без общей сетевой команды?

— Теоретически. Практически я пока не вижу способа.

Он говорил без уверенности, и это было полезнее красивой гипотезы. Анна записала три отдельных направления: незаконный доступ Артёма, возможный перехват уже запущенного процесса и посмертный отклик, который использовал семейный чат как носитель.

Лев вошёл в лабораторию с двумя бумажными стаканами кофе. Выглядел он лучше, чем ночью, но держался подальше от бокса.

— Ты оказался прав насчёт общего правила, — сказала Анна. — Техническая схема не объясняет поздние ответы.

Лев не стал пользоваться редким моментом её уступки. Он поставил кофе рядом и спросил, удалось ли установить, что именно подготовил Артём.

— Пока только расписание. Тексты скрыты в резервной копии «Лика». Доступ закрыт согласием распорядителя цифрового наследства.

Распорядителем значилась Крылова. Её подпись требовалась для выгрузки архивных черновиков. Вчера она не упомянула об этом ни разу.

Резервная копия хранилась в сервисе цифрового наследства платформы «Лик». После смерти владельца доступ переходил к назначенному распорядителю, но только в пределах заранее выданного согласия. Крылова имела резервный ключ и могла разрешить выгрузку черновиков. Ночью она ответила Роману, что запрос рассмотрит после нотариального открытия дела.

— Она тянет время или соблюдает процедуру? — спросил Лев.

— Проверим по действиям. Пока у неё есть и законное объяснение, и возможность скрыть часть архива.

Телефон в боксе снова включился. На экране возникла строка уведомления, но Роман не нашёл соответствующего события ни в сети, ни в локальном журнале.

Анна распечатала текущую таблицу. Бумага вышла из принтера с новой строкой, которой ещё не было на экране:

«Ищите там, где семья отдыхала».

Через семь секунд тот же текст появился в чате.

Роман сверил часы. Распечатка опередила сообщение на семь секунд.

Анна положила лист в отдельный пакет. Дача в Новой Москве стала новым местом поиска, но ехать туда на основании одной фразы она не собиралась. Сначала требовалось понять, почему бумажная копия получила сообщение раньше цифрового интерфейса.

— Разделяем дело окончательно, — сказала она. — Артём отвечает за подготовленные задания. Поздние ответы проверяем отдельно. Крылову пока рассматриваем как человека с доступом к архиву и возможностью направлять процесс.

Лев кивнул.

— И не смешиваем это с тем, что семья сама подтверждает.

Анна добавила четвёртую строку в блокнот: «Коллективная формула». Она не любила рабочие версии, которые нельзя проверить немедленно, но теперь такая версия была точнее, чем попытка свести всё к одному взломщику.

В половине десятого они перенесли материалы в архивную комнату. Здесь стояли металлические шкафы, старый сканер и сейф, который Тихон считал своей территорией. На крышке сканера лежал лист с напечатанной фразой: «Покойная не снята с учёта».

Анна убрала лист.

— Тихон, нам нужна копия акта.

Сканер втянул страницу и сразу выплюнул её обратно. На экране появилось: «Нарушение порядка регистрации».

Роман раздражённо выдохнул.

— Это магический шум. У нас и без него работы хватает.

Принтер рядом напечатал ещё один лист: «Учёт — не шум».

Анна не стала спорить с обоими. Тихон понимал формулировки буквально и иногда замечал разрыв раньше людей. Но выводы он делал по логике здания, а не расследования.

Она положила на стекло акт изъятия телефона и вслух назвала документ:

— Копия для внутреннего хранения. Статус покойной не изменяется.

Сканер заработал.

На выходе появились две версии акта. В первой строке о ключе было написано: «Получатель дубликата — Михаил Орлов». Во второй после тире оставалось пустое место. Подписи, номера и дата совпадали.

Роман сравнил файлы. Оба сохранились под одним временем и одним контрольным номером, хотя содержимое отличалось.

Анна достала вчерашнюю бумажную копию. В ней имя Михаила ещё стояло.

— Цена распространяется на документы, — сказал Лев.

Анна посмотрела на него.

— Пока фиксируем изменение. Причину не назначаем.

Она взяла чистый журнал в твёрдом переплёте и записала обе версии от руки. Рядом указала, где находился оригинал и кто присутствовал при проверке. Затем велела Роману распечатать снимок заводского номера ключа и вложить его отдельно. Металл пока сохранял происхождение лучше, чем подписи.

Тихон снова вывел сообщение на экран: «Документ без получателя не завершён».

— Именно поэтому мы сохраняем обе версии, — ответила Анна.

Сканер загудел. Из него вышла копия адресной книги Веры Павловны. Анна её не закладывала. Страница была открыта на записи Михаила. Номер телефона отсутствовал, но под адресом появилась новая строка, написанная почерком Веры Павловны:

«Дача. Посмотреть в красном шкафу».

Роман проверил исходную книгу. В пакете под пломбой запись не появилась.

— Только на копии, — сказал он.

Анна сравнила почерк с описью из квартиры. Совпадали форма букв и привычка Веры Павловны ставить точку после короткой пометки. Подделать это было возможно. Объяснить, как текст оказался на копии запечатанного документа, — пока нет.

Анна присвоила каждому бумажному экземпляру отдельный номер и велела хранить их в разных папках. Один комплект остался в архивной комнате, второй она забрала в кабинет. Если строки начнут исчезать одновременно, это покажет, что расстояние не защищает запись. Если изменится только один экземпляр, придётся искать локальный якорь.

Она записала адрес дачи из старых документов и позвонила Елене, чтобы уточнить, где находится красный шкаф. Елена ответила, что на даче был красный кухонный буфет и ещё старый шкаф в маленькой комнате. Красная папка могла лежать в любом из них, но семья не ездила туда с осени.

Анна распорядилась выделить делу отдельный сейф. В него поместили бумажные версии актов, копию страницы и распечатку сообщения, которое появилось раньше чата. На дверце она прикрепила журнал выдачи. Любое изменение теперь следовало подтверждать подписью двух сотрудников.

Роман всё ещё считал, что Тихон усложняет процесс.

— Он сохраняет различия, — сказала Анна. — Этого достаточно. Смысл определяем мы.

Сканер принял лист. На экране осталось короткое: «Принято».

В десять часов десять минут Анна закрылась в кабинете и позвонила Дарье Волиной. Та работала в подразделении, куда ОПЧ передавал материалы по обычным преступлениям. Они сотрудничали давно, поэтому Дарья не тратила время на вопросы о природе отдела.

Анна изложила техническую часть: учётная запись Артёма, шесть запланированных сообщений, возможное незаконное использование аккаунта умершей и сокрытие доступа к архиву. Про исчезающие фотографии сказала только как о риске изменения данных.

— Ущерб есть? — спросила Дарья.

— Семью склоняют выполнять задания ради квартиры и несуществующего вклада. Один из участников уже пытался распорядиться имуществом без согласия остальных, но с чатом это пока не связано.

— Тогда задерживать Артёма рано. Подделка сообщений сама по себе ещё не доказывает мошенничество. Нужны устройства, доступы и понятная цель.

Анна согласилась. Ей требовалась не быстрая виновность, а цепочка, которая выдержит обычную проверку.

— Добровольную выдачу ноутбука можно запросить?

— Можно. Официальный опрос тоже. Но не говори ему, что магия продолжила его сценарий. Сначала пусть объяснит шесть сообщений.

Во время разговора Роман принёс старую квитанцию из папки Веры Павловны. В строке плательщика было указано имя Михаила. Пока Анна смотрела, буквы начали бледнеть и исчезли. Сумма и дата остались.

Роман положил рядом банковскую выписку. В ней тот же платёж сохранялся: «М. А. Орлов».

Анна сообщила Дарье, что семейный архив меняется, а банковская запись пока устойчива.

— В процессуальные материалы кладёшь только то, что можно подтвердить независимым источником, — сказала Дарья. — Исчезнувшая надпись может направить поиск, но не заменить доказательство.

— Согласна.

Это правило Анна и сама повторяла сотрудникам, но сейчас услышать его со стороны было полезно. Отклик мог менять направление расследования, однако человеческую ответственность всё равно приходилось доказывать обычными средствами.

Они договорились вызвать Артёма на официальный опрос и запросить добровольную выдачу ноутбука. Если он откажется, Дарья подготовит дальнейшие основания после проверки архивной выгрузки.

Анна закончила разговор и открыла карту. До дачи в Новой Москве без пробок было около часа. Она хотела приехать туда раньше Орловых, осмотреть шкафы и сохранить документы до того, как семья начнёт выполнять новое задание.

Незадолго до звонка Елены Анна успела отправить Артёму официальное уведомление о явке.

Сообщение было прочитано почти сразу. Ответ пришёл короткий: «Приду после дачи». Артём ещё не знал, что ОПЧ установил его учётную запись, но связал вызов с поиском документов.

Елена говорила быстро. Денис увидел сообщение про место, где семья отдыхала, забрал автомобильные ключи и уехал на дачу. Он никому не сказал, что собирается искать, и перестал отвечать на звонки.

Анна закрыла карту.

— Когда он выехал?

— Минут двадцать назад. Артём тоже собирается туда.

— Не пускайте Артёма одного. Мы едем сейчас.

Анна вызвала Романа и достала журнал из сейфа. Льву она отправила адрес. Рациональная проверка дала им оператора первых сообщений, но не остановила отклик. Человек, который вчера присваивал вещи Веры Павловны, первым ехал к документам, на которые указал чат.

На распечатке в прозрачном пакете строка «Ищите там, где семья отдыхала» начала бледнеть. Анна обвела её карандашом и поставила время. К моменту выезда от букв остались слабые следы, но адрес дачи уже был записан на бумаге и в её блокноте.

Глава 7. Семейная версия

К десяти сорока пяти Елена Андреевна уже сидела в комнате для опросов и требовала вернуть телефон матери. Она говорила спокойно, но каждую минуту поправляла сумку на соседнем стуле, словно собиралась встать и закончить разговор сама.

Анна положила между ними временную линию. Шесть сообщений были созданы до смерти Веры Павловны с учётной записи Артёма. Поздние ответы стояли отдельно.

— Артём устроил жестокую шутку. Он должен признаться и прекратить это.

— Готовы написать заявление?

Елена посмотрела на зеркало на стене.

— Я не хочу ломать ему жизнь. Пусть объяснит, что сделал, и вернёт доступ.

Анна отметила отказ. Елена уже назначила виновного, но не хотела отвечать за последствия.

Она включила диктофон и попросила рассказать о последней неделе жизни Веры Павловны. Ей нужны были даты, чеки и посещения, а не оценка родственных чувств.

Сначала Елена сказала, что за матерью ухаживали все. На записи фраза прозвучала иначе: «Мы все ухаживали: привозили лекарства и оставались на ночь».

Перед двоеточием исчезло имя Михаила.

Анна остановила диктофон и попросила повторить. Елена назвала Михаила. На звуковой дорожке его фамилия снова выпала, будто в этот момент она молчала.

— Вы слышали, что сказали?

— Михаил помогал.

— На записи его имени нет.

После второго прослушивания Елена потянулась к сумке, вспомнила, что материнский телефон в лаборатории, и убрала руку.

Анна провела короткую проверку. Елена произнесла имя Дениса, потом Артёма и своё. Диктофон сохранил каждое слово. Когда она снова назвала Михаила, между началом и концом фразы возникла пустая секунда. Роман получил файл из соседнего кабинета и подтвердил: монтажных склеек нет, микрофон работал. Исчезало не звучание вообще, а конкретное имя внутри семейного рассказа.

Дальше Анна записывала на бумаге. Елена признала, что сама просила Михаила приезжать. Он жил ближе и умел уговаривать Веру Павловну принимать лекарства. При родственниках Елена называла его помощь редкой: не хотела, чтобы Денис решил, будто Михаил зарабатывает право на квартиру.

— Он просил квартиру или деньги?

— Нет. Иногда возвращал чеки.

— Тогда почему вы скрывали, сколько он делал?

Елена ответила, что старалась не давать повода для спора о наследстве. Получалось наоборот: чем меньше семья признавала помощь Михаила, тем легче было объявить её расчётом.

Анна выписала даты. Михаил ночевал у Веры Павловны дважды. В среду Елена передала ему лекарства у метро. В пятницу он вызвал врача и оплатил такси до клиники. Перевод сохранился в банковской выписке, хотя семейная переписка об этом молчала.

— Кто из официальных родственников оставался на ночь?

Елена поправила ремень часов.

— На той неделе ночью никто не оставался. Я приезжала днём, Денис был один раз, Артём только звонил.

— А Михаил?

— Две ночи.

Анна вспомнила Марию. Дочь часто забирала доставку и находила дома нужные бумаги, когда родители задерживались. Помощь дочери Анна замечала в нужный момент, а через день считала её обычным порядком. Разница была в том, что Марию никто не вычёркивал из семьи. После этого Анна вернулась к протоколу.

К концу опроса сложилась простая картина: в последнюю неделю рядом чаще всех находился человек, которого не пригласили на разбор квартиры.

— Мама всё равно считала его племянником, а не сыном, — сказала Елена.

— Задание спрашивает, кого она считала семьёй. Степень родства там не указана.

— Вы хотите, чтобы мы назвали Михаила?

— Я хочу, чтобы вы пока никого не называли.

Елена снова потребовала телефон. Анна отказала до окончания экспертизы. Тогда Елена сказала, что ОПЧ мешает семье получить оставленное матерью.

— Доказано только то, что часть сообщений подготовил Артём. Скрытый вклад не найден. Конкурса в завещании нет.

— Мама могла оставить другой порядок.

— Его нужно найти, а не исполнять сообщения без источника.

Елена подписала протокол, но остановилась возле фамилии Михаила и перечитала страницу. Диктофон в этот момент сохранил имя полностью.

Денис вошёл в ту же комнату в одиннадцать тридцать пять. До дачи он не добрался: на въезде сменили код, а Крылова по телефону убедила его вернуться в Москву и сначала оформить доступ. Теперь он считал, что потерял время по вине ОПЧ.

Анна положила перед ним план квартиры. Маленькая спальня, где во время болезни Веры Павловны оставался Михаил, была отмечена возле кухни.

Денис сразу заявил, что квартира обещана ему. Бабушка говорила об этом после ремонта окна и ещё раз на юбилее. Свидетелей он назвать не смог. По его словам, семья и так знала, кто будет хозяином.

— После этого она выдала Михаилу официальный ключ, — напомнила Анна.

Денис счёл ключ бытовой необходимостью. Он позволял купить лекарства, но не давал права на жильё. Счета Михаила Денис назвал попыткой купить родство небольшими суммами.

Анна спросила о кредите.

Он замолчал и потребовал объяснить, какое отношение его банк имеет к сообщениям Артёма. Анна показала объявление о продаже комода и подтверждение задатка.

Кредит Денис взял на ремонт собственной квартиры. Работы подорожали, подрядчик исчез, платёж стал почти равен его зарплате. Продажа вещей Веры Павловны должна была закрыть просрочку. Денис уверял, что вернул бы деньги после наследства.

Денис открыл банковское приложение по требованию Анны. Просрочка составляла два платежа, а сумма задатка за комод почти точно закрывала ближайший. Он нехотя разрешил снять экран и потребовал записать, что не собирался присваивать деньги навсегда. Анна внесла его пояснение без смягчений и без обвинения.

— Из какой доли?

— Квартира всё равно останется в семье.

На бумажном плане побледнела маленькая спальня. Сначала исчезла подпись, затем внутренние линии. Остались коридор и глухая стена.

Денис отодвинул лист.

— Вы сами напечатали такой план.

Анна достала копию из папки. На ней комната сохранялась. Она положила листы рядом и отметила время. Исчезло именно помещение, которым пользовался Михаил.

Повторять фразу Денис отказался. Анна не настаивала. Отклик уже показал связь: слова о сохранении квартиры в семье подгоняли пространство под его версию семьи.

Технических навыков у Дениса почти не было. Роутер устанавливал мастер, облачным архивом занимались другие. Зато у него был материальный интерес и готовность распорядиться имуществом раньше оформления.

Анна отделила этот эпизод от дела о чате. Возможное присвоение вещей она передаст Дарье Волиной. Денис переставал быть простым свидетелем, но это не делало его оператором поздних ответов.

У двери он спросил, нашли ли красную папку.

— Почему вы решили, что мы её ищем?

— Артём носился с ней ещё до похорон. И Наталья Геннадьевна спрашивала.

Денис рассказал, что весной отвозил Крылову на дачу. Вера Павловна попросила разобрать бумаги перед оформлением цифрового наследства. Крылова почти час провела в маленькой комнате, вынесла красную папку на веранду, а потом вернула в шкаф. Через неделю она спросила, не забрал ли Артём «проект условий».

— Она так и сказала?

— Проект или порядок. Я не слушал.

Анна установила дату по истории навигатора. В тот день Артём тоже приезжал на дачу. Денис слышал их спор у крыльца.

— Артём сказал, что бабушка не подпишет такое в нормальном состоянии. Крылова ответила, что его дело — техника, а не смысл.

Это был первый независимый факт, связывавший Крылову не только с архивом, но и с формулировками будущих заданий. Красную папку видели трое, и двое знали о подготовке условий.

В двенадцать двадцать Крылова появилась в коридоре ОПЧ с доверенностями и двумя папками. Она потребовала присутствовать на дальнейших опросах, поскольку представляла интересы наследственной массы. Доверенность прекращалась со смертью Веры Павловны, а исполнителем завещания Крылова не была.

Анна предложила пройти в переговорную. Крылова разложила бумаги на подоконнике и объяснила, что помогает семье сохранить имущество до нотариального оформления.

— Контролировать переданные вам сведения можете. Запрещать опрос совершеннолетних людей — нет.

— Я предотвращаю давление на семью.

Она говорила вежливо и предлагала понятный порядок. Поэтому Елена доверяла ей больше, чем Анне.

Анна проверила доверенности по датам и предмету полномочий. Одна позволяла работать с платформой «Лик», вторая — получать документы из банка. Ни одна не давала права представлять всех наследников после смерти доверителя. Крылова это знала и не спорила с текстом бумаг. Она спорила с тем, что семья может обойтись без её общего руководства.

В верхней папке лежало временное соглашение. Родственники обязались не распоряжаться квартирой и подтверждали отсутствие претензий на чужие доли. Документ мог остановить Дениса, но третий пункт заставил Анну задержать страницу:

«Не претендую на чужую долю и признаю право семьи определить справедливый порядок».

Роман прислал снимок экрана из лаборатории. На седьмой строке телефона уже проступили слова:

«Не претендую на чужую долю».

Анна положила распечатку рядом с соглашением.

Крылова посмотрела без удивления.

— Вера Павловна часто использовала эту формулировку. Я составляла документы по её словам.

— Когда подготовлен шаблон?

— Весной. Его видели Вера Павловна, Артём и я. Возможно, Елена.

Крылова знала тексты, из которых могли появиться поздние задания, и имела доступ к резервной копии. Этого не хватало, чтобы доказать перехват, но прежняя роль стороннего юриста уже не соответствовала фактам.

Она подтвердила, что в красной папке лежали черновики семейного соглашения. Вера Павловна хотела снизить риск спора. Артём помогал настроить отправку первых напоминаний, но затем превратил замысел в конкурс.

— Почему вы не сказали об этом вчера?

— До экспертизы я не знала, какие сообщения он запустил.

— Вы знали про условия.

— Про возможные формулировки. Не про десять заданий.

Крылова предложила подписать соглашение сегодня. Анна отказалась передавать его семье до сравнения с архивом. Полезный документ мог стать новым подтверждением правила, которое уже распределяло право голоса.

— Мне нужен полный архив консультаций, включая неподписанные версии.

Крылова закрыла папку.

— Часть материалов уничтожена по просьбе Веры Павловны.

Бумагу измельчили, цифровые копии удалили. Акта не было: Крылова сослалась на устное распоряжение и конфиденциальность.

На распечатке из лаборатории появилась вторая строка:

«Чужой считается доля того, кого семья не выбрала».

Крылова впервые потеряла спокойствие. Она быстро убрала руку от листа.

Анна запечатала страницы и предупредила о конфликте интересов. Крылова одновременно контролировала архив, знала формулировки заданий и предлагала семье документ с теми же словами. До передачи материалов она не будет присутствовать при опросах как представитель всех родственников.

— Вы оставляете их без профессиональной помощи.

— Каждый может пригласить отдельного представителя. Один человек не будет решать за всех, что для них безопасно.

Перед уходом Крылова сказала, что красную папку всё равно придётся искать на даче: уничтожены были не все копии.

Анна вызвала Романа и велела готовить машину. Теперь дача была не местом, куда направляло странное сообщение, а общей точкой трёх версий. В запечатанном пакете лежала фраза, которой ещё не было в семейном чате, но которую Крылова уже принесла в готовом соглашении.

Глава 8. Доступ по расписанию

В кафе возле Курского вокзала было шумно, но Артём выбрал стол у стены, откуда видел вход. Он пришёл без телефона и без сумки. На нём была та же куртка, что накануне, только застёгнутая до подбородка.

Анна села напротив и положила на стол прозрачную папку с уведомлением о добровольной выдаче техники. Роман остался в машине. Артём посмотрел не на документ.

— Красную папку нашли?

— Нет. Денис уехал на дачу раньше нас.

Артём на секунду прикрыл глаза. Его тревожило не то, что ОПЧ установил связь с шестью сообщениями. Он ждал известий с дачи.

Официантка принесла чай и поставила рядом электронный номер заказа. На маленьком экране было написано: «Артём Орлов». Анна включила диктофон и назвала время начала беседы.

— Вы настроили сообщения с аккаунта Веры Павловны.

— Настроил.

Он признал это без попытки спорить. Вера Павловна попросила сделать цепочку напоминаний на случай, если после её смерти семья сразу начнёт делить имущество. Она продиктовала несколько фраз, но Артём изменил порядок и добавил задания.

— Зачем?

— Чтобы они добрались до бумаг раньше Крыловой.

— Каких именно?

— Из красной папки.

Анна ждала продолжения. Артём провёл пальцем по кромке стола и сказал, что не знает точного содержания. Вера Павловна показывала ему только первые страницы. Там были проекты семейного соглашения и заметки о том, кому она доверяет. Крылова настаивала, чтобы всё оформили заранее, а бабушка то соглашалась, то откладывала.

— Почему нельзя было просто взять папку?

— Потому что после больницы она спрятала её. Сказала, что сначала семья должна сама показать, кто чего стоит.

— И вы решили помочь.

— Я решил, что если они начнут искать, документы не исчезнут тихо.

Он признал, что подготовил шесть сообщений и подключил отложенную отправку. Первое должно было появиться в восемь десять, когда семья обычно открывала общий профиль перед разбором квартиры. Остальные шли по времени.

Содержание он называть отказался. Утверждал, что тексты всё равно есть в ноутбуке и повторять их до копирования опасно. Анна спросила, чего он боится.

— Не полиции. Если Крылова войдёт в архив, часть файлов удалится. Я поставил защиту, но она знает резервный ключ.

На телефоне Анны появилось уведомление из семейного чата. Денис написал, что Артём предал семью и устроил издевательство после похорон. Официантка принесла счёт. На экране заказа имя исчезло. Вместо него появилось: «Внук № 2».

Артём заметил надпись и отвернул экран к стене.

— Это тоже я сделал?

— Нет. Но вы запустили процесс, который продолжился без вас.

Он усмехнулся, хотя ему было не смешно.

— Денис всегда хотел быть первым. Теперь хотя бы номера выдали официально.

Анна сфотографировала экран. Через минуту надпись стала обычной. Артём не исчез из документов и фотографий; основная цена пока приходилась на Михаила. Официантка сохранила чек с неизменным именем. Бумага снова оказалась устойчивее текущей семейной роли.

— Ноутбук где?

— В камере хранения. Я не понесу его на дачу и не оставляю дома.

Анна показала уведомление. Добровольная выдача давала ему право присутствовать при копировании и получить перечень изъятых файлов. Материалы, не относящиеся к делу, останутся закрытыми.

— А папка, если вы её найдёте?

— Сначала фиксируем содержимое. Потом решаем, кому законно передать.

— Без Елены и Крыловой.

— Вы не можете назначать порядок осмотра.

— Тогда ноутбука не будет.

Анна убрала документ. Давить угрозой она не собиралась. Артём уже признал техническую часть, но без устройства признание оставалось удобным рассказом, который можно изменить.

— Я могу обеспечить отдельный первичный осмотр, если документы содержат сведения о другом человеке и есть риск их уничтожения. Но обещать, что семья никогда их не увидит, не стану.

Артём долго смотрел на вход. Потом попросил ручку и подписал согласие.

— Первой открываете вы. И сразу делаете копию.

Анна поставила время рядом с подписью.

— Если папка найдётся целой.

В мобильной лаборатории Роман подготовил изолированный стол и две камеры. Артём принёс ноутбук из камеры хранения сам и перед включением показал корпус. Пломб не было, зато возле разъёма сохранилась царапина, которую он отметил на фотографии.

Устройство запустили без подключения к сети. Артём ввёл пароль, после чего отошёл к двери. На рабочем столе лежала папка «Пусть найдут сами».

Роман начал копирование диска. Анна проверяла время создания файлов. Шесть черновиков совпадали с техническим расписанием. Первое сообщение обещало квартиру и вклад. Дальше шли задания про ключи, право на последний разговор и вещи из подсобки. Пятый текст отправлял семью на дачу. Шестой требовал открыть красную папку при всех.

— Вклад вы придумали? — спросила Анна.

Артём кивнул.

— Иначе Денис не стал бы ничего искать. Елена тоже.

— Вы использовали жадность родственников.

— Я использовал предсказуемость.

Анна внесла ответ в протокол. Хороший мотив не отменял подделки от имени умершей и давления на семью. Артём это понимал, но продолжал смотреть на экран так, словно за каждым файлом стояла более важная причина.

Внутри папки находился зашифрованный архив. Роман запустил копию в отдельной среде. Артём дал первый пароль, но система запросила резервный ключ распорядителя наследства. На экране появилось предупреждение: при следующем входе профиля распорядителя часть данных будет удалена.

— Вот поэтому я не хотел идти в ОПЧ, — сказал Артём. — Любой официальный запрос увидит Крылова.

Роман отключил сетевые службы и снял образ памяти. Удаление можно было остановить, если найти локальное правило до подключения архива к платформе.

Анна открыла журнал файлов. После смерти Веры Павловны в папке появились ещё три документа. Их названия соответствовали седьмому, восьмому и девятому заданиям. Стиль отличался от первых шести. В ранних текстах были короткие бытовые указания. Поздние использовали формулировки о долях, отказах и признании права семьи.

Седьмой черновик начинался словами: «Не претендую на чужую долю». Та же фраза стояла в соглашении Крыловой. Девятый требовал назвать человека, чьё участие можно не учитывать.

— Это не моё, — сказал Артём.

— Файл находится на вашем устройстве.

— Он синхронизировался из облака.

Роман проверил метаданные. Документы действительно пришли через клиент платформы «Лик» после смерти Веры Павловны. Локального автора не было. Профиль источника обозначался как распорядитель наследства.

— Перенести вину на Крылову удобно, — заметил Роман.

Артём вспыхнул, но Анна остановила спор. Метаданные можно подделать. Им нужна была независимая запись входа.

Роман нашёл служебный журнал. Профиль распорядителя обращался к архиву ночью после похорон и ещё раз утром, когда Крылова находилась в квартире. Во второй раз система выгрузила три новых черновика и запустила правило очистки.

Анна посмотрела на Артёма.

— Вы знали, что поздние тексты появятся?

— Нет. Я ждал только удаления.

— Почему не предупредили раньше?

— Потому что тогда вы забрали бы ноутбук, вызвали Крылову и потеряли папку.

Он опять решил за всех, какое нарушение допустимо ради сохранения документов. Анна понимала его страх, но не собиралась превращать понимание в оправдание.

Роман нашёл правило удаления и отключил его. Затем создал бумажный реестр контрольных сумм: выписал названия шести исходных файлов, время создания и контрольные значения. Отдельно зафиксировал три поздних документа. Анна подписала лист вместе с Артёмом. Бумажную копию убрали в пакет, чтобы изменения в цифровом архиве не переписали историю задним числом.

Система показала последнее событие:

«Профиль распорядителя наследства: доступ подтверждён».

Время совпадало с минутой, когда Крылова отправила фотографию акта вне семейного чата.

Анна позвонила ей. Крылова не ответила. Через минуту пришло сообщение: «На встрече у нотариуса. Все вопросы после открытия наследственного дела».

Артём попросил выехать на дачу немедленно. Анна уже собирала оборудование, когда Лев прислал видеозвонок.

Он находился возле дачного посёлка вместе с Еленой. Шлагбаум не принимал её брелок, охрана требовала подтверждения владельца. Денис проехал раньше по старому коду и теперь не отвечал. За его машиной въехал неизвестный серый автомобиль.

— Крылова? — спросила Анна.

— Номер Елена не запомнила.

Лев переключил камеру на экран охраны. В приложении дачного дома входная дверь была открыта. Датчик чердачной лестницы тоже сработал. На кухне камера показывала пустой проход и край стены с семейной фотографией.

Роман увеличил изображение. Снимок был сделан за длинным столом во дворе. Вера Павловна сидела в центре. Михаил раньше находился справа, возле яблони. Теперь его не было. Денис оказался ближе к бабушке, хотя на сохранённой копии стоял с другого края.

— Он вошёл как хозяин, — сказал Лев. — И фотография перестроилась под эту роль.

Елена слышала разговор и потребовала открыть шлагбаум. Охранник не соглашался без звонка собственника. В базе владельцем оставалась Вера Павловна.

— Назовите Елену дочерью и законным пользователем, — сказала Анна. — Только это. Наследницей не называйте.

Охранник повторил фразу в систему. Шлагбаум поднялся. Лев и Елена поехали к дому. Крылова позвонила сама.

— Не входите туда до нотариальной описи. Дом сейчас входит в наследственную массу.

— Денис уже внутри.

— Тогда дождитесь полиции.

— Вы знали, что он поехал?

Крылова ответила, что Денис звонил ей утром и спрашивал код. Она не сообщила его, но посоветовала не трогать документы до оформления.

— Через ваш профиль в архив добавлены три задания.

— Это рабочие формулировки из старых консультаций. Я не отправляла их в чат.

— Вы вошли в архив после смерти Веры Павловны.

— Чтобы обеспечить сохранность.

— После входа включилось удаление.

Крылова сказала, что обсудит технические детали с Романом после нотариуса. Затем снова предложила всей семье приехать вместе и не превращать осмотр в захват.

Анна прервала разговор. Крылова больше не определяла темп расследования. Её процессуальные объяснения оставались полезными, но каждое промедление увеличивало риск утраты документов.

Она позвонила Дарье Волиной. Та согласилась направить ближайший экипаж: Денис проник в дом до оформления наследства, а в помещении могли находиться документы, связанные с подделкой сообщений и возможным присвоением имущества.

Мобильная лаборатория выехала к даче. Артём сидел рядом с Романом и положил руки на колени. Ноутбук остался в опечатанном боксе.

Связь с Львом снова появилась через двадцать минут. Камера дрожала. Они с Еленой вошли во двор. Дверь дома была открыта, на ступенях лежала сломанная защёлка. Из чердачного окна шёл дым.

— Денис! — позвала Елена.

Ответ пришёл сверху. Сначала закашлялся человек, затем Денис сказал, что нашёл папку слишком поздно.

Лев поднялся на несколько ступеней и направил камеру в проём. На чердаке горела металлическая жаровня. В ней лежали красные обрывки картона. Денис стоял рядом с кочергой и пытался сбить пламя старым покрывалом.

— Не трогай больше ничего, — сказала Анна через связь. — Отойди к лестнице.

Денис повернулся к камере. На лице у него была сажа.

— Красная папка уже горит.

Из жаровни поднялся лист, почернел по краям и упал текстом вверх. На нём ещё можно было прочитать одну строку: «Семьёй считается тот, кого выберут».

Глава 9. Место за столом

К половине шестого дым с чердака уже вытянуло через открытое окно. Денис сидел на верхней ступени лестницы, прижимая к ладони мокрое полотенце. Волина прислала участкового и пожарный расчёт, но огонь успели погасить до их приезда. В металлической жаровне осталась мокрая зола, а рядом лежали обгоревшие листы из красной папки.

Лев открыл веранду, чтобы в доме стало легче дышать, и попросил всех не трогать найденные бумаги. Анна с Романом ещё ехали. Елена стояла у лестницы и требовала от Дениса объяснить, зачем он полез на чердак один. Он повторял, что папка уже горела, когда он вошёл, и что Артём подстроил всё заранее.

Артём приехал следом за машиной ОПЧ и теперь смотрел на обрывок с фразой о выборе семьи. Он не пытался отнять лист. Только спросил, сохранилось ли что-нибудь под пеплом.

Лев видел, как спор снова собирает людей вокруг права решать. Елена хотела установить, кто имел право открыть папку. Денис доказывал, что вошёл первым и спас документы. Артём напоминал, что предупреждал о Крыловой. Участковый записывал объяснения и уже дважды попросил говорить по одному.

— Сначала уберём бумаги от огня и воды, — сказал Лев. — Остальное после фиксации.

Он разложил на веранде чистую плёнку. Роман передал ему пинцет и плотные пакеты. Из жаровни достали четыре листа, на которых ещё читались отдельные строки. На одном сохранилось имя Веры Павловны, на втором — слова о доле. Третий оказался копией старого соглашения. Четвёртый был почти чёрным, но внизу проступала дата за месяц до госпитализации.

Под листами обнаружили обгоревшую канцелярскую скрепку и кусок прозрачного файла. Следов горючей жидкости Роман не нашёл. Денис показал старую зажигалку, которую поднял возле жаровни, но отпечатки на ней предстояло проверять. Пока пожар мог быть и попыткой уничтожить папку, и частью заранее подготовленной сцены.

Денис не отходил от стола. Он хотел видеть каждый лист и несколько раз просил отметить в протоколе, что именно он остановил пожар. Анна ответила, что это будет записано вместе с его самовольным входом и попыткой искать документы без свидетелей.

На веранде стоял длинный дачный стол. Возле него было пять стульев. Лев помнил фотографию на стене: летом здесь помещались восемь человек, а запасные стулья хранили у двери. Сейчас у стены остался только один складной.

Елена предложила перенести разговор за стол. Она назвала присутствующих: себя, сыновей, Анну, Льва и Романа. Крылова ещё не приехала. Участковый ушёл к машине за бланками.

Пока Елена говорила, из дома слышался скрип. Складной стул у стены раскрылся сам и встал рядом со столом. Теперь мест было столько, сколько людей она перечислила.

Денис заметил это и замолчал. Артём проверил дверь, будто стул мог принести человек из кухни. Лев не стал предлагать повторную проверку. Дом уже отреагировал на признанный состав.

У калитки хлопнула дверца машины. На дорожке появился Михаил. Он держал небольшой холщовый пакет и выглядел так, словно собирался зайти на пять минут.

— Мне Елена написала про дачу, — сказал он. — Здесь остались лекарства Веры Павловны. Их нужно вернуть в аптеку.

Елена сразу пояснила, что Михаил приехал как гость и к разбору документов отношения не имеет.

Крайний стул у стола сложился. Никто его не касался. Он медленно опустился и снова оказался у стены.

Михаил посмотрел на освободившееся место, потом на Елену.

— Я постою.

Лев почувствовал, как знакомое раздражение поднимается быстрее мысли. Вчера он уже решил, что Михаила исключают намеренно. Сейчас хотелось потребовать, чтобы Елена исправила фразу и назвала его семьёй. Это было бы тем же давлением, только с другой стороны.

— Место есть, — сказал Лев. — Садиться или нет, решает Михаил.

Елена нахмурилась.

— Я не выгоняю его. Просто сейчас идёт семейное дело.

— Он приехал за вещами человека, за которым ухаживал.

Фраза прозвучала резче, чем Лев хотел. Елена сразу закрылась. Она напонила, что именно она вызвала ОПЧ и подписала документы. Лев понял, что перестал быть для неё нейтральным посредником и стал защитником одного участника.

Он не стал спорить дальше. Повернулся к Михаилу и повторил спокойнее:

— Вы можете войти в разговор. Можете забрать лекарства и уехать. Решение ваше.

Михаил посмотрел на обгоревшие бумаги.

— Я приехал только за таблетками.

Он прошёл в дом, не сядя. Складной стул у стены больше не двигался.

К шести двадцати Лев нашёл Михаила на кухне. Тот стоял у старого буфета и перебирал упаковки из аптечного ящика. Просроченные складывал в пакет, закрытые коробки оставлял отдельно. На подоконнике лежали часы Веры Павловны. Стрелки показывали пять минут седьмого и шли с лёгким щелчком.

С веранды доносились голоса. Анна пыталась восстановить порядок находки папки, Денис настаивал, что огонь начался до его появления. Артём требовал проверить серую машину, которую видела охрана. Михаил слушал их без интереса.

Лев остановился у двери, чтобы не перекрывать выход.

— Вы знали, что папка хранилась здесь?

— Знал, что у тётки Веры были бумаги. Где именно, не спрашивал.

— Почему не пришли раньше?

— Потому что меня никто не звал.

— Елена написала сегодня.

— Про лекарства. Не про семью.

Михаил нашёл ключ на коротком шнурке и открыл нижний ящик буфета. Там лежали ингалятор, несколько рецептов и квитанции из частной клиники. Увидев бумаги, он закрыл ящик быстрее, чем требовалось.

Лев спросил, оплачивал ли он лечение. Михаил ответил, что часть расходов проходила через него, но это не имеет отношения к наследству.

— Для расследования имеет. Семейные записи теряют ваше имя, а банковские пока сохраняют.

Михаил усмехнулся.

— Значит, банк считает меня родственником лучше семьи.

Он продолжил складывать лекарства. На прямой вопрос о квартире ответил, что не претендует ни на неё, ни на дачу. Ему не нужны споры, в которых любой чек превращают в заявку на родство.

— Вы всё время говорите так, будто уже приняли их решение.

— Какое решение?

— Что вы здесь лишний.

Михаил долго не отвечал. Потом захлопнул аптечный ящик.

— Я ей никто. Просто сын её сестры, который оказался ближе остальных. Так бывает.

Часы на подоконнике остановились. Секундная стрелка замерла между делениями.

За словами Михаила Лев услышал вторую фразу: «Так безопаснее для всех».

Она не звучала голосом Веры Павловны. Это было условие, которое Михаил повторял себе каждый раз, когда отказывался от места до того, как его попросят уйти.

— Безопаснее для кого? — спросил Лев.

— Для Елены, для мальчиков и для меня.

— Потому что вас не обвинят в охоте за квартирой?

Михаил убрал пакет на стул и посмотрел прямо на него.

— Если я скажу, сколько раз ночевал рядом, Денис спросит, сколько стоила ночь. Если покажу чеки, решит, что я покупал долю. Если промолчу, они хотя бы спорят без меня.

Лев понимал эту защиту. Самоисключение давало Михаилу возможность сохранить достоинство, но одновременно подтверждало семейное правило. Лишнего не обязательно было выгонять. Достаточно, чтобы он сам заранее отказался от места.

— Разрешите проверить даты и платежи, — сказал Лев. — Я не буду обещать, что семья признает их. Только зафиксирую факты.

— Елене покажете?

— Без вашего согласия — только то, что нужно для защиты документов и объяснения изменений. Личные суммы не раскрою.

Михаил достал телефон. В банковском приложении сохранились переводы клинике и аптеке. Он разрешил снять даты и получателей, но закрыл суммы ладонью. Лев согласился. Для первичной проверки этого хватало.

Потом Михаил протянул ключ от аптечного ящика. На металлической бирке раньше было выгравировано «Миша». Теперь остались только первые две буквы.

— Заберите. Здесь второй такой есть, — сказал он. — Я всё равно больше не приеду.

— Не решайте это сейчас.

— Я решил до вашего расследования.

Лев положил ключ в пакет и отметил время. Часы снова пошли, когда Михаил перестал говорить о себе как о человеке, которого проще убрать. Лев не стал считать это доказательством причины. Он только записал связь между фразой и остановкой.

Перед выходом Михаил взял лекарства. Лев попросил его остаться до конца фиксации.

— Зачем?

— Потому что ваш отъезд сейчас все воспримут как подтверждение своей версии.

— А если останусь, решат, что жду решения про квартиру.

— Тогда выберите не для них. Для себя.

Михаил сел на кухонный стул, но на веранду не пошёл.

В семь десять на стене веранды включился старый телевизор. Роман отключил его от сети ещё при осмотре, однако экран показал семейный чат. Под вторым заданием появился новый опрос:

«Кому принадлежало последнее свободное место за столом?»

Варианты менялись. Сначала там были имена, потом родственные роли. Денис успел нажать на своё имя с телефона, который не сдал после разговора. На фотографии над столом он оказался ближе к Вере Павловне.

Елена выбрала вариант «детям Веры». В кадре осталось два свободных места, но Михаил исчез с дальнего края. Артём проголосовал за него. Его имя появилось на секунду и сразу превратилось в серый прямоугольник.

Крылова приехала в этот момент. Она вошла на веранду, посмотрела на экран и сказала, что не будет участвовать без юридической оценки формулировки. Воздержание не остановило опрос. Рядом с её именем появилась отметка «решение передано семье».

Лев встал перед телевизором.

— Больше не голосуем.

Денис возразил, что результат уже меняется и нужно закончить. Елена хотела понять, почему вариант про детей не принят. Артём показал на фотографию: после каждого ответа место Михаила стиралось сильнее.

Со двора пришла соседка, Алла Сергеевна. Она увидела дым и принесла ведро, хотя пожар уже погасили. На веранде она поздоровалась с Еленой, вспомнила Артёма, спросила Дениса о машине. Михаил вышел из кухни с пакетом лекарств.

Алла Сергеевна посмотрела на него без узнавания.

— Вы из полиции?

Михаил остановился.

— Мы знакомы. Я вам весной насос чинил.

Соседка смутилась и посмотрела на Елену. Та открыла рот, но ничего не сказала. На экране появился ещё один голос без имени. Фотография перестроилась: возле Веры Павловны остались Елена и Денис, Артём отодвинулся к краю, место Михаила исчезло вместе со стулом.

Лев выключил удлинитель. Телевизор продолжил показывать опрос. Тогда он снял аппарат со стены вместе с креплением и положил экраном вниз на диван. Роман отключил домашний роутер. Опрос не исчез с телефонов, но участники перестали видеть общий результат.

После этого Лев развёл всех по разным комнатам. Дениса отправил к участковому, Артёма — к Анне. Елену попросил остаться на веранде без телефона. Крыловой запретил собирать общие подписи до окончания проверки. Михаил остался на кухне по собственному решению.

Он позвонил Анне и рассказал о второй фразе Михаила. Признался, что самоисключение тоже поддерживает контур.

— Поддерживает, но не делает его виновным, — ответила Анна. — Это способ защищаться. Не превращай защиту в согласие на исчезновение.

Лев посмотрел на ключ в пакете. Надпись на бирке почти исчезла.

Алла Сергеевна всё ещё стояла у двери. Она видела пакет лекарств в руках Михаила и не могла связать его с домом, где он много раз помогал Вере Павловне.

— Простите, — сказала она Елене. — Почему у вас здесь незнакомый мужчина с ключом от лекарств?

Елена посмотрела на Михаила. На этот раз она не назвала его гостем, но нужные слова так и не произнесла. За её спиной на семейной фотографии осталось пустое место у края стола.

Глава 10. Кто был последним

К восьми вечера обгоревшие листы перенесли с чердака в спальню Веры Павловны. Здесь было прохладнее, а окно выходило во двор, где пожарные уже сворачивали рукава. Анна поставила на комод две лампы, застелила стол чистой плёнкой и попросила всех отойти к стенам.

Из красной папки уцелело меньше половины. Края листов рассыпались от прикосновения, чернила местами расплылись после воды. Роман снимал каждый фрагмент сверху и сбоку, затем вкладывал его между прозрачными листами. Участковый опечатал жаровню до приезда эксперта.

Крылова стояла у двери с раскрытой папкой.

— Эти документы относятся к наследственному делу. После фиксации их нужно передать мне.

— На каком основании? — спросила Анна.

Наталья Геннадьевна показала распоряжение о цифровом архиве, которое Анна читала утром. Бумажные черновики и личные записи Веры Павловны в документе не упоминались.

— Пока они остаются вещественными материалами проверки.

— Ваш отдел не ведёт наследственное дело.

— Мы фиксируем возможное уничтожение документов и связь с сообщениями от имени умершей.

Денис сидел на кровати и убеждал Елену, что папка загорелась до его прихода. Он повторял это уже не первый раз. Елена слушала сына и следила за руками Артёма. Тот ходил вдоль стола и пытался разглядеть текст на фрагментах.

Михаил стоял возле окна. Пакет с лекарствами лежал у его ног. Он дважды сказал Льву, что уедет после того, как Анна закончит с ключом от аптечного ящика.

Роман поднял очередной лист. Внизу сохранилась подпись, но прочитать её мешало пятно. Он сделал снимок служебной камерой и вывел изображение на планшет. Подпись стала чётче: «М. А. Орлов».

Михаил вышел в коридор, чтобы ответить на звонок. На экране планшета буквы побледили. Через несколько секунд от подписи осталась только первая черта.

— Верните его в комнату, — сказала Анна.

Лев позвал Михаила. Тот вошёл не сразу, но подчинился. Подпись снова проявилась на снимке, хотя исходный лист лежал неподвижно под плёнкой.

В сохранённом файле имя тоже зависело от присутствия Михаила. Пока он стоял у окна, подпись читалась. Когда Михаил сделал шаг за порог, строка стала пустой.

— Значит, дело не в самой бумаге, — сказал Роман. — Меняется уже сделанный снимок.

Анна достала плёночный фотоаппарат из аварийного комплекта. Его использовали редко, когда цифровые копии начинали подстраиваться под отклик. Она зарядила кассету, сфотографировала лист и сразу убрала плёнку в металлический контейнер.

Артём потянулся к другому фрагменту.

— Там текст бабушки. Я знаю почерк.

Анна перехватила его руку до того, как он коснулся бумаги.

— Вы уже изменили порядок её сообщений. Теперь не трогайте ничего без разрешения.

— Если Крылова заберёт листы, вы больше их не увидите.

— Поэтому она их не заберёт.

Крылова напомнила, что Артём признал подделку. Елена попросила сына отойти от стола. Денис воспользовался этим и снова заговорил о пожаре.

Анна открыла чистый протокол.

— Михаил Андреевич, с этого момента вы участвуете как человек, сведения о котором и связанные с ним документы меняются. Ваше присутствие нужно для фиксации. Вы можете отказаться, но тогда я запишу, что исследование прервано из-за риска для вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.